ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Четверг, 30 сентября 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР. № 53 (689)

Моральный облик писателя

В формировании взглядов читателя, в выработке норм его общественного и личного поведения художественная литература играла и играет громадную роль. Образы героев, создаваемые литературой, идеи, которые она несет, способны оказывать колоссальное, иногда решающее, влияние на целые слои читателей. Из истории литературы и общественной мысли и из личного опыта мы знаем, какое воздействие, особенно на молодежь, оказывали многие выдающиеся книги. Роман Чернышевского «Что делать?» оказал колоссальное влияние на тысячи и тысячи революционеров, и мы помним, как совсем еще недавно рулевой Коминтерна товарищ Димитров рассказывал о впечатлении, произведенном на него этим романом в юности, в период формирования будущего борца-большевика.

Мы знаем, какое колоссальное влияние оказывает на нашу подрастающую молодежь образ Павла Корчагина, созданный Николаем Островским в романе «Как закалялась сталь». Многочисленные письма и отзывы молодежи об этом романе свидетельствуют о том, что образ Павла Корчагина является для наших юношей и девушек образцом для подражания, что они стремятся быть столь же стойкими и мужественными в борьбе за социалистическую родину, как Павел Корчагин, что они воспитывают в себе его качества: идейную принципиальность, непримиримость к врагам революции, глубокую человечность в отношении братьев по труду и борьбе.

Наше время требует от литературы таких книг, которые воспитывали бы самоотверженных строителей социализма, партийных и непартийных большевиков, мужественных, стойких, принципиальных, горячо любящих нашу социалистическую родину и глубоко преданных партии Ленина—Сталина.

Может ли, однако, создавать такие книги, лепить такие образы и вдохнуть в них живую душу, страсть и силу писатель, который сам в своей жизни, в своем общественном и личном поведении не отвечает этим требованиям?

Разумеется, не может. Писатель, который сам не является бойцом и тружеником, который руководится в своей жизни принципами буржуазной морали, который ведет образ жизни, глубоко отличный от поведения и быта социалистического народа, не может быть учителем жизни, не может быть провозвестником социалистических идей и социалистической морали.

Среди наших писателей имеют еще некоторое хождение гнилые, вреднейшие теории о том, что творчество писателя и его собственный облик, его поведение можно отделить друг от друга резкой чертой, что это несообщающиеся сосуды. В таких случаях обычно пытаются сослаться на писателей прошлого, вспоминают о том, как и кто из них выпивал, играл в карты, и т. д., и т. п. При этих ссылках «забывают», что писатели прошлого жили совсем в другую эпоху, когда вокруг них кипело море «свинцовых мерзостей», что многие из них задыхались в волчьей, мерзейшей атмосфере царской России, в обстановке полицейского произвола, насилия, надругательства над человеческой личностью, тупости и зверства бюрократов и жандармов, подхалимства и подлости чиновников.

Какое же право имеют распространители паскудных теорий о том, что пороки являются будто бы неот'емлемым атрибутом людей искусства, ссылаться на прошлое и переносить его в наше великое настоящее, в котором писатель — свободный гражданин социалистического отечества — имеет все условия для творчества, дышит полной грудью вместе с счастливым советским народом, к которому он принадлежит.

Нашим писателям, в среду которых еще проникают всяческие окололитературные людишки, самовлюбленные бездельники, неучи и невежды с непомерно раздутым самомнением и апломбом, следует помнить, что по сравнению с дореволюционным прошлым обстановка изменилась и в другом отношении. Мы располагаем рядом фактов, показывающих, что враги нашей социалистической родины — фашисты и их троцкистско-бухаринская подлая агентура — присматриваются к людям, которые социально и морально неустойчивы, стремятся разложить их и использовать их в своих подлейших контрреволюционных целях. Сохранение старых гнилых богемских традиций — пьянства, хулиганства, дебошей, безделья — на-руку этим гнусным людишкам, и они используют эти традиции как прикрытие, как ширму для своей предательской черной работы.

Наши писатели помнят, что под личиною дебошира и пьяницы П. Васильева скрывался хитрый, изворотливый враг, фашистский контрреволюционер. Острым революционным чутьем угадал в нем врага А. М. Горький, который в «Литературных забавах» писал именно по поводу Васильева о том, что «от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа».

Васильев пытался вовлекать в свои пьянки и дебоши, и через них в свои гнусные дела, молодых поэтов. Об этом не следует забывать.

Необходимо помнить, что и другой дебошир и пьяница Борис Корнилов, устраивавший пьяные скандалы и антисоветские выходки всюду, где он появлялся, также оказался гнусным предателем и в промежутки между попойками бегал в некое иностранное консульство. Другой ленинградский «поэт» под видом пьяной болтовни вел антисоветскую агитацию.

Союз советских писателей до последнего времени не обращал достаточного внимания на факты аморального поведения некоторых своих членов, не интересовался достаточно глубоко их общественным и личным поведением, их отношением к труду, общественным обязанностям, дисциплине, их идейным и культурным обликом, их отношением к товарищам, к женщине, к семье и т. д. Писательские организации принимают меры лишь тогда, когда поведение того или иного «писателя» носит уже ярко выраженный антисоветский характер и переходит всякие границы.

Между тем, меры сурового общественного воздействия надо применять значительно ранее, пока еще «личная жизнь» того или иного члена писательской организации не привела его к полному разложению, пока он не стал еще добычей и орудием вражеских элементов.

Мы печатаем сегодня письмо двух московских писателей, которые решительно отмежевываются от именующего себя их другом, пьянствующего поэта Черноморцева. Мы полагаем, что опубликование этого письма явится первым, но и последним предупреждением этому поэту.

Мы обращаем внимание ленинградского союза писателей на члена их организации Г. Куклина, чье бытовое и общественное поведение внушает серьезные опасения за его дальнейшую судьбу.

Мы хотим указать ленинградской писательской организации и на кандидата в ССП Кальвари, который ничего не пишет, отвиливает от всякой работы, живет на ссуды и «займы» у писателей, т. е. попросту попрошайничает.

Приведенные нами фамилии отнюдь не исчерпывают списка тех писателей, которых нужно по-товарищески, но сурово, крепко и настойчиво одернуть, чьей жизнью и моральным обликом следует серьезно заинтересоваться.

Вопросы морали отнюдь не исчерпываются, конечно, ликвидацией резко отрицательных антиморальных явлений.

Необходимо вести большую идейно-воспитательную работу среди писателей.

Социалистическая мораль основана на подчинении всех своих поступков интересам борьбы за социализм, борьбы за новые чувства, новую психологию, новое отношение к труду, к своему народу, к жизни и людям.

В понятие социалистической морали входит борьба с пережитками капитализма в сознании трудящихся, борьба за высокие социальные чувства.

В понятие социалистической морали входит священная любовь к социалистической родине, любовь к народным массам, пламенная ненависть к врагам народа, к троцкистско-бухаринским фашистским шпионским гадам.

Социалистическая мораль диктуется интересами социализма, интересами великого советского народа, которому всякий партийный и непартийный большевик с радостью отдает свои силы, жизнь и творчество.

Высший закон коммунистической морали, закон общественного и личного поведения, закон жизни с великой страстью и правдой сформулирован в замечательных словах вождя народов товарища Сталина:

«Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной».

Эти слова должны стать законом жизни для писателей, которые хотят быть «инженерами человеческих душ», чтобы воспитывать социалистических строителей. Только проникнувшись до конца этой коммунистической моралью в своей собственной жизни, можно воодушевить и все свое творчество, поднять его на высочайший идейный уровень социалистической эпохи и создать вдохновляющие образы, найти слова, которые «приводят в движение тысячи тысяч миллионов сердца».

Подготовка к выборам в Верховный Совет СССР

Перекличка поэтов

Участвовать своим пером, своими стихами в пропаганде избирательного закона, к выборам в Верховный Совет СССР — дело почетное и ответственное.

Оперативность здесь должна сочетаться с глубокой мыслью. Быстрота — с высокой художественностью.

Понятно волнение, с которым я, наряду с завершением пьесы в стихах «Дружба», работаю над стихами о Конституции. Думаю, что в ближайшее время смогу эту свою работу опубликовать.

И когда я обращаюсь с вызовом к **Николаю Асееву, Семену Кирсанову, Сергею Михалкову**, я уверен, что мой вызов уже опоздал: я уверен, что они уже работают над этой темой, уже вынашивают — каждый свои особенные, каждый в своем жанре — стихи о великой советской демократии.

ВИКТОР ГУСЕВ

*

Я с радостью хотел бы принять участие в создании плакатов, посвященных выборам в Верховный Совет СССР. Мне бы хотелось дать стихи под рисунок.

Думаю, что такие плакаты создаются Изогизом и мне удастся осуществить мое желание.

Вызываю художников Кукрыниксы и К. Ротова для совместной работы над плакатом.

А также — поэта А. Барто для создания стихов, посвященных выборам в Верховный Совет СССР.

С. МИХАЛКОВ.

Нужен актуальный репертуар

Центральный дом народного творчества им. Крупской разрабатывает мероприятия, связанные с подготовкой к выборам в Верховный Совет СССР. Задача заключается в том, чтобы методом художественной пропаганды раз'яснить в колхозах и сельсоветах все значение нового избирательного закона.

В ближайшее время несколько бригад методистов и режиссеров выедут в районные города и колхозы, чтобы помочь местным кружкам самодеятельности в организации вечеров, читок докладов, костюмированных выступлений, инсценировок и т. п. на темы о выборах.

Разработаны рекомендательные списки песен, литературы для чтецов, инсценировок и других материалов.

Составлены примерные программы тематических вечеров, посвященных отдельным статьям Сталинской Конституции — о равноправии женщин, о праве на отдых, о праве на труд.

Пятнадцать вариантов таких программ будут разосланы в местные дома народного творчества.

★

Центральный дом народного творчества нуждается в конкретной помощи секции драматургов для создания репертуара к выборам в Верховный Совет СССР.

Без такого репертуара не может обойтись также Мосгорэстрада.

В ответ на обращение этих организаций драмсекция рекомендовала им **одну и ту же** группу авторов.

Едва ли небольшая группа драматургов будет в состоянии в срок обеспечить репертуаром обращающиеся в секцию организации, не говоря уже о неизбежных в таких условиях спешке, недоделках, халтуре.

Драмсекция должна привлечь к созданию репертуара на темы о выборах в Верховный Совет всех своих членов.

В группкомах писателей

Группком писателей при издательстве «Советский писатель» будет вести работу по подготовке к выборам в Верховный Совет СССР совместно с парторганизацией издательства, на которую возложено руководство работой 26 выборного участка Советского района.

К предвыборной кампании привлекается партийный и беспартийный актив издательства и группкома писателей.

В группкоме нам сообщили, что «отдельные писатели работают над темами, связанными с выборами», однако группком не мог нам конкретно указать, кто из писателей над чем работает.

Учета конкретного участия писателей в предвыборной работе нет.

★

Группком писателей при Журнально-газетном об'единении созывает 3 октября общее собрание своих членов, посвященное подготовке к выборам в Верховный Совет СССР.

Изучать и пропагандировать новый избирательный закон

На собрании ленинградских писателей

Вчера в Ленинграде состоялось общегородское собрание писателей, посвященное предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. С докладом выступил т. **Шабанов**, говоривший о самой демократической избирательной системе, которая установлена в стране Сталинской Конституцией.

— Писателям, — подчеркнул докладчик, — предстоит принять самое активное участие в подготовке и проведении выборов в Верховный Совет СССР. Они должны включиться в работу окружных и участковых избирательных комиссий. Они должны на страницах газет и журналов, с трибун рабочих и колхозных собраний раз'яснять и пропагандировать новый избирательный закон. В этом отношении у писателей имеются славные традиции. Вспомним хотя бы, как помогали нам такие произведения, как «Выборная песня» или «Про Ерему и Фому» Демьяна Бедного в 1917 году.

В своих выступлениях **П. Лукницкий** и **Ю. Берзин**, путешествовавшие по Казахстану, многочисленными примерами проиллюстрировали рост людей нашей страны, дружбу советских народов. Писатель **Ричиоти**, работающий сейчас над произведением о торговом флоте, рассказал, что в каждом советском корабле, прибывающем в заграничный порт, местные власти готовы видеть... агитационный корабль: до того непохожи условия жизни советских моряков на каторжное существование иностранных матросов.

— Сталинская Конституция, подытожившая и закрепившая завоевания Великой Пролетарской революции, заставляет еще сильнее любить свою родину. Мы славим ее! — говорит **А. Прокофьев**, прочитавший на собрании свои стихи о родине.

— Любую статью Сталинской Конституции, — заявляет **Н. Брыкин**, — можно воплотить в поэмах и песнях, в романах и повестях. Наша ленинградская писательница Ольга Форш закончила на-днях пьесу о 122-й статье Сталинской Конституции. Это один из первых художественных откликов на Сталинскую Конституцию. Пропагандировать ее обязан каждый из нас.

Но для того, чтобы ответственнейшая творческая задача оказалась по плечу писателям Ленинграда, им прежде всего надо глубоко и полно изучить всемирно-исторический документ, данный Сталиным народам Советского Союза.

Надо изучить и Положение о выборах в Верховный Совет СССР.

— К сожалению, — говорит **Ив. Никитин**, — и союз писателей, и писательская профорганизация почти ничего не сделали для того, чтобы наладить работу кружков и групп по изучению Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет СССР. Как это ни позорно, такие кружки у нас еще не работают.

Надо особенно внимательно подумать и о моральном облике писателя. Правильно сделали Н. Брыкин и А. Решетов, заострившие внимание собрания на нетерпимом более политическом и бытовом поведении таких разложившихся людей, как Г. Куклин. О безобразном поведении кандидата союза Кальвари говорят уже не впервые, но правление союза продолжает почему-то либеральничать.

С большой речью выступил на собрании **Ник. Тихонов.**

— В нашей стране, — сказал он, — осуществилось то, о чем мечтали веками народы, о чем в древности слагались мифы. Наша страна могуча и богата, в ней утверждена подлинная демократия. Но нам не надо забывать о тех, кто пытается посягнуть на наше счастье. То, что делается в фашистских странах, не постигается умом, это кровавый бред, которому название — фашизм. В Германии сейчас отбираются молодые люди — это непременно сыновья капиталистов, крупных кулаков, военной аристократии—и в закрытых средневековых школах из них готовят фашистских палачей. В Германии есть фашисты, и есть жители, и есть рабы. У рабов нет никаких прав, у жителей права ограничены, и все права захвачены фашистскими «орденами». У этих «орденов» имеются особые компасы, стрелки которых — против всех законов — указывают на Восток.

— Недавно, — продолжает Н. Тихонов, — я посетил страны Прибалтики. Там я видел фашистов, которые не отказываются ни от каких средств, чтобы зажечь пожар преступной войны. В Финляндии я видел собственными глазами карту, распространяемую фашистами. На ней эти об'ятые кровавым бредом люди проводят границу Финляндии... южнее Ленинграда!

В фашистских странах открыто готовятся к нападению на страну социализма, на страну Сталинской Конституции. Но наша родина могущественна. Как выросли в ней люди, как преданы они делу Ленина—Сталина! Вспомним последние слова Петра Штепенко — рулевого «Благоева», потопленного фашистскими пиратами: «Мое плавание кончилось, — сказал умирающий Штепенко. — Постройте взамен «Благоева» 25 новых пароходов». На место погибшего героя Штепенко стал его родной брат.

Собрание предложило правлению ЛенССП в 10-дневный срок организовать группы по изучению Сталинской Конституции и Положения о выборах в Верховный Совет СССР, создать несколько бригад для раз'яснительной работы среди населения. Писатели из'явили желание для участия в подготовке к выборам прикрепиться к заводской и районной печати.

Решено также провести цикл вечеров под общим названием «Наша родина».

ЮР.

Ленинград, 29 сентября (по телефону от наш. корр.).

Несмотря на свой преклонный возраст, Анна Кирилловна Заломова (героиня повести М. Горького «Мать») проявляет большой интерес к предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: **чтение «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» в квартире А. К. Заломовой** (справа). Читает внучка Анны Кирилловны—**Е. А. Павлова**, в центре — дочь Анны Кирилловны **Е. А. Гаринова.** (Союзфото)

Строй сомкнув, с товарищами рядом,
По камням просторных площадей
Мы проходим праздничным парадом,
Поднимая на руки детей,

*

Чтобы песней, флагами, цветами
Улыбалась юная страна,
Чтоб она цвела под небесами,
В голубых глазах отражена.

*

Под оркестров громкие призывы
Мы по Красной площади идем
И детей веселых и счастливых
Рядом со знаменами несем.

М. СВЕТЛОВ.

Плакат художника **А. Кокорекина** со стихами **М. Светлова**, выпускаемый Изогизом к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Навстречу 20-летию Великой Социалистической революции

Что готовят ленинградские писатели

К двадцатилетию Великой социалистической революции советские читатели получат ряд новых произведений ленинградских писателей.

Часть из них будет выпущена в свет к праздничным дням. Некоторые, только что оконченные писателями произведения, срочно сдаются ленинградскими издательствами в печать.

Будут изданы тематические сборники.

Сборник **«Люди наших дней»**, как мы уже сообщали, состоит из литературных портретов лучших людей Ленинграда: стахановцев Сметанина, Мартехова, Хинейко и др., парашютиста Кайтанова, танкиста Дудко, артистов Корчагиной-Александровской, Бабочкина, Черкасова и др. В сборнике, выпускаемом издательством Ленсовета и Облисполкома, принимают участие писатели Молчанов, Воеводин, Савин, Брыкин, Рысс и др.

Альманах молодых дарований будет содержать рассказы и стихи, одобренные жюри общегородского конкурса. Альманах выходит под редакцией М. Зощенко.

Ряд очерков, написанных бригадой ленинградских писателей, составит сборник **«У Ламского (Охотского) моря».**

Ал. Толстой обещает закончить в средних числах октября свой новый роман «Хлеб», первоначально названный им «Оборона Царицына».

Мих. Слонимский написал сборник рассказов «Пограничники», который выходит в двух издательствах — в «Советском писателе» и в Ленгослитиздате.

В. Саянов написал роман «Лена» — о ленских событиях и повесть «Страна отцов».

В. Кнехт выпускает в Ленгослитиздате роман «Штурм».

Успенский закончил роман «1916-й год».

Ленинградские писатели написали ряд вещей для эстрады и более 100 песен.

Детские театры Москвы 7 ноября

1918 год. Гражданская война. Уездный городок на Урале.

Большая классная комната заставлена партами. Через весь класс протянута труба жестяной печки-времянки.

В стенах этой школы развертываются события пьесы А. Бруштейн **«Нас семеро».** Это — пьеса об участии детей в гражданской войне, о взаимоотношении двух поколений, о матери, для которой правда жизни — дороже сына.

Премьера пьесы состоится 7 ноября в **Государственном центральном театре юного зрителя.**

Постановка осуществляется — режиссером В. С. Колесаевым и художником Н. А. Меньшутиным.

★

«Растите, ребята, забирайтесь выше, приобретайте знания и большевистскую закалку. Это — наше оружие».

В этих словах заключена идея пьесы А. Крона **«Наше оружие»**, которую готовит к великому празднику **Московский театр юного зрителя.**

Действие пьесы происходит на Дальнем Востоке, в одной из частей Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии.

Московские юные зрители, которые видели первую пьесу А. Крона «Винтовка № 492116», шедшую в Госцентюзе, найдут старых знакомых в пьесе «Наше оружие». Персонажи пьесы «Винтовка» встречаются спустя восемь лет в обстановке пограничного инцидента. В поведении каждого из них проявляются качества, воспитанные и закрепленные годами Великой Пролетарской революции.

Ставит пьесу А. И. Кричко. Оформляет художник Р. В. Распопов. Музыка написана композитором Ю. М. Слоновым.

★

Недавно Детиздат выпустил повесть В. Катаева **«Белеет парус одинокий».** На увлекательный сюжет этой повести автор написал пьесу, содержание которой построено на судьбе двух ребят — Пети и Гаврика.

Об их участии в революции 1905 года, о взаимоотношениях их со старшими, о формировании мировоззрения детей рассказывает В. Катаев юным зрителям.

Спектакль будет показан 7 ноября в **Центральном детском театре**, в постановке В. Д. Королева и в оформлении художника В. Рындина.

★

Третий московский театр для детей покажет в день великой исторической даты пьесу Л. Рахманова **«Беспокойная старость».** Сюжет знаком советскому зрителю по картине «Депутат Балтики». Фабула фильма сохранена и в пьесе, разбитой на три акта, происходящие в квартире ученого Полежаева.

— Л. Рахманову, — говорит постановщик спектакля заслуженная артистка Л. И. Дейкун, — удалось перенести в пьесу всю интимность, весь теплый юмор, которые так отличают замечательный фильм. Вместе с тем пьеса дает ощущение героических событий эпохи. «Беспокойная старость» не содержит ничего специфически детского, тем не менее она должна быть показана юному поколению, как пьеса, знакомящая ребят с великим ученым, чей жизненный путь с первых дней революции был связан с Октябрем.

Оформление спектакля поручено художнику Г. А. Палину, музыку пишет композитор П. М. Берлинский.

Александр ОЙСЛЕНДЕР

Песня молодости

Разве можно
Ее не услышать,
Если за сердце песня берет,
Если молодость наша все выше,
Все стремительней рвется вперед?

ПРИПЕВ:

Запевалой начата,
Всей страной подхвачена,
Песня пролетает ветерком.
Эх, мчатся наши соколы
За моря далекие.
Честь и слава —
Быть большевиком!

Если хочешь, —
Штурмуй Ледовитый.
Если хочешь, —
На полюс лети.
Все пути
Перед нами открыты,
И счастливее нас не найти.

ПРИПЕВ...

В каждом деле
И подвиге каждом —
Всюду сталинский виден маршрут.
Там, где мы проходили однажды,
Нашу славу века не сотрут.

ПРИПЕВ...

На земле нашей,
Светлой и чистой,
Даже шага врагам не пройти.
Пусть попробуют только фашисты, —
Мы сметем их, как мусор, с пути!

ПРИПЕВ...

Наше племя —
Счастливое племя:
Мы под сталинским солнцем живем.
Наше время —
Прекрасное время.
И об этом, давайте, споем!

ПРИПЕВ...

А. ЭРЛИХ

РАВНОДЕЙСТВУЮЩАЯ ВСЕХ ТЕМ

1.

Начинается подготовка к выборам в Верховный Совет, и сразу же, на первых же порах, мы являемся свидетелями нового, огромного политического под'ема в стране, к которому не могут остаться безучастными даже наиболее отсталые и наименее организованные массы населения: никогда еще собрания в жактах, никогда еще общественно-политические собеседования домохозяек и домработниц не были так многолюдны и так оживленны.

Просветительная и раз'яснительная деятельность, агитация и пропаганда, раскрытие основ Сталинской Конституции, политики коммунистической партии, строительства социализма, воспитание классовой бдительности, популяризация лучших людей, передовых борцов и организаторов социализма — все это становится сейчас обязанностью и политическим долгом каждого хорошо грамотного большевика партийного или непартийного.

Советские писатели всегда приходят на помощь партии.

Полезно напомнить сейчас, с какой силой, с каким воодушевлением содействовал партии своими стихами В. Маяковский. Огромный художник, он никогда не сторонился текущих тем. В ответ на угрозы Керзона страна принялась строить могучий воздушный флот, и Маяковский писал тогда:

Что значит, что г-н Керзон
Разрядился грозою нот?
Это значит — чтоб тише лез он —
Крепи воздушный флот!

Маяковский не уходил от большого искусства в сторону, когда откликался молнией и громом своей поэзии на требования политического дня. Он оставался неизменно взыскательным, суровым к самому себе мастером. Стихи его насыщены вдохновением и исполнены блеска и виртуозности, независимо от того, является ли их темой любовь, революция, могучая сила народная, или такие частности, как роль кооперации в деревне, организация «Общества друзей воздушного флота», выпуск нового государственного займа, или даже стихотворные плакаты об аэропланах, или о деятельности треста Моссукно, или даже короткие стихотворные лозунги против прогульщиков и лентяев.

В маленькое стихотворение «Рабочий, эй!» автор изумительно легко вложил огромный политический смысл такой темы, как социалистическая труддисциплина. Бывало, — пишет он, — пускался гулять купеческий сынок. «Пей, Маша, пей, Паша! Все равно за все заплатит папаша». Отец учил после своего разгульного сынка; отлупит его крепко, нарвет ему уши, «А сам наутро, чтоб не разориться, прогуленное с рабочих возьмет сторицей». Теперь — иное дело. Теперь прогульщик-рабочий растрачивает не папашины доходы, а священную государственную собственность, нарушает благополучие социалистического производства, подрывает основу нашей силы — смычку с крестьянством, смычку с деревней.

Ему не нарвешь. В бороде и с усами,
Товарищи! Прогульщиков клеймите
сами!
Помни, рабочий: каждый прогул
Горе — нам, радость — врагу.

В конкретном, в частном выражал поэт с огромной силой свою любовь к родине, свою преданность интересам класса, свою постоянную готовность бороться вдохновенным, клеймящим и разящим пером за торжество лозунгов, выдвигаемых партией. Полезно было, — и автор, нисколько не снижая мастерства, принимался за рекламные стихи для Моссельпрома и сочинял политические двустишья-подписи для карамельных оберток.

Маяковского поразило и возмутило в свое время, что польский писатель Тувим вынужден был писать тексты для певичек из варьетэ. Он сказал по этому поводу:

«— Глупые скажут: «А сам про Моссельпром писал?» Я про Моссельпромы хочу писать, потому что нужно. А ему для варьетэ и не нужно, и не хочется».

Маяковский жадно искал путей общения с читателем, он стремился к каждому отдельному гражданину многомиллионной страны, чтобы напомнить правду классовой борьбы. И решительно все равно ему было, каким путем, сквозь какие ворота или какие щели прорвется эта правда от его сердца к сердцу народному. Плакаты, лозунги, надписи на конфетных обертках, светящиеся транспаранты на зданиях Моссовета, Дома Союзов, Моссельпрома могли быть такими проводниками, и он никогда ничем не пренебрегал. Он боролся, он воевал, каждым стихом своим врываясь в жизнь и стараясь переделать, перекроить, перестроить ее.

...Я земной шар
Чуть не весь обошел, —
И жизнь хороша,
И жить хорошо,
А в нашей буче,
боевой, кипучей
и того лучше!

Такая целеустремленность давала ему глубокое ощущение силы и радости.

Он ликовал, видя плоды своих трудов, и он заражал каждого своего читателя, каждого рабочего, каждого трудящегося этой радостью.

...Грудью у витринных книжных груд
Моя фамилия в поэтической рубрике.
Радуюсь я — это мой труд
Вливается в труд моей республики.

Так сказывалось органическое, полное и страстное слияние поэта с политическими задачами класса и партии. И именно это сделало его самым ярким, самым замечательным поэтом эпохи.

Огромную роль в воспитании классового сознания в народных массах сыграл и другой поэт революции — Демьян Бедный. Известно, какое значение в под'еме боевого духа красноармейцев в дни гражданской войны имели стихи его. После, в годы реконструкции страны, в годы строительства социализма и осуществления грандиозных сталинских пятилетних планов, он неустанно создавал стихотворные фельетоны, публиковал замечательные образцы публицистической поэзии, писал обширные, развернутые поэмы, в которых отражалась текущая политика партии и художественно пропагандировались очередные задачи класса.

Он писал, по собственному признанию, «не для славы, не для легкой забавы». В поэзии он видел великую силу, способную воспламенить, вдохновить человеческую душу для борьбы и победы.

Просты мои песни и грубы.
Писал я их, стиснувши зубы.
Не свирелью был стих мой — трубой,
Призывавшей вас всех на решительный
бой
С мироедской разбойной оравой.
Не последним бойцом был я в схватке
кровавой.
Просты мои песни и грубы,
Зато беднякам они любы.
Не боялся я критики строгой:
Шел упорно своею дорогой.
С вами шел я, товарищи, с вами иду
И идти буду вместе... пока упаду!

Н. Асеев, В. Гусев, Мих. Голодный, А. Сурков — можно назвать еще много поэтов Советской страны, в чьих произведениях громко звучит политическая струна и находят свое отражение темы текущей, непрерывно меняющейся жизни нашей родины.

2.

Страна начинает готовиться к историческим выборам. Не найти теперь такого запущенного уголка, такого отсталого пункта, не назвать ни одной фабрики, ни одного завода, колхоза, машинно-тракторной станции, железнодорожного депо, или угольной шахты, где бы не изучались основы Конституции и не раз'яснялась политическая сущность предстоящих выборов.

Писатели и поэты Советской страны придут и теперь на помощь партии. Слово художника покажет миллионам сограждан новую родину, взлелеянную советской властью, расскажет про города и села, полные богатств, про рабочие клубы, театры, школы, дома отдыха, больницы и санатории, университеты, научные институты, созданные все той же советской властью и призванные обслуживать бытовые и культурные нужды населения.

Писатели и поэты раскроют в художественных произведениях такие понятия, как советская демократия, Сталинская Конституция. Они расскажут о таких величайших правах, завоеванных советской властью, как право на труд, право на отдых, право на образование.

Выборы подымут к политической активности новые миллионы граждан, до сих пор не включенных в общественную жизнь, — советские авторы приобретут в них новые миллионы благодарных читателей. Популяризация творческим словом лучших, достойнейших людей страны и уничтожающий огонь против врагов, двурушников, бюрократов, вельмож и бездельников, пособников троцкистского охвостья, разоблаченных и разоблачаемых диверсантов и шпионов — станет делом советских авторов.

Выборы — всеоб'емлющая тема. Сюда сходятся все движущие и силовые линии в стране, сюда направлено все многообразие наших чувств и наших мыслей. Советская власть привела нас к завоеванию социализма, к самой свободной, самой человечной Конституции. Мы готовимся к выборам в высшие органы советской власти — к выборам достойнейших и честнейших борцов социализма, которые будут свято хранить Сталинскую Конституцию и вести советские народы к новым победам.

В политической кампании такого огромного, такого всеоб'емлющего значения советские писатели и поэты найдут могучий источник вдохновения.

На Верх-Исетском заводе (Свердловская область) организуется около 300 кружков по изучению нового избирательного закона. Среди рабочих с каждым днем растет спрос на литературу по выборам в Верховный Совет СССР. На снимке: председатель профкомитета электроцеха **Н. К. Воробьев** (справа) получает в заводском комитете предвыборную литературу. (Союзфото).

Луи Арагон

Писатель боец

Луи Арагон — поэт, романист и блестящий критик — неотделим от Арагона-борца, одного из вдохновителей огромного движения в защиту культуры, от Арагона-коммуниста.

Арагон — образец писателя нашей революционной эпохи, активно участвующего в социальной борьбе, охватившей весь мир. Он не только борется сам против капитализма, против фашистских варваров, он ведет за собой на путь борьбы молодых писателей, молодую интеллигенцию.

«Интеллигенция должна стать одной из причин нового движения экономики вперед... Ее дело, идя бок о бок с пролетариатом, вернуть миру его настоящий порядок», — пишет он в своей статье «Прежде всего — единство интеллигенции».

Арагон — пламенный поборник социалистического реализма.

«Я выступаю за реализм», — сказал он на II Международном конгрессе писателей в защиту культуры, — «я выступаю за него не только против фантасмагорий, порождающих прислужничество, паразитизм и меценатство в классовом обществе. Я выступаю также против псевдореализма, созидающего похожие, но механические фантомы и не знающего страшного жизненного опыта. Я выступаю за реализм, овладевающий человеческой сущностью во всем многообразии ее взаимоотношений с эпохой и обществом; за реализм, выдерживающий испытание огнем, которому он подвергается уже в течение целого года!».

Мы в СССР любим и ценим Луи Арагона за то, что он с беспощадной правдивостью изображает жизнь, на которую обрекает трудящихся капитализм, за то, что он понял и воплотил в художественные образы величие советского строя, раскрепостившего миллионы людей. За то, что он посвятил себя борьбе за социалистическое будущее для всех трудящихся мира.

SALVE

Творческий путь Луи Арагона

Луи Арагону исполнилось 40 лет.

Это зрелый возраст для человека, но как художник Арагон целиком принадлежит новому, молодому поколению.

Его творческий путь распадается на два периода. Он выступил в литературе в 20-х годах как поэт, неудовлетворенный существующим порядком вещей в стране, истерзанной классовыми противоречиями и грозными социальными конфликтами.

Первые книги Луи Арагона: «Огонь радости» (1920), «Похождения Телемака» (1922), «Вольнодумства» (1924) и др. находятся под влиянием формалистских исканий сюрреализма. В них много вычурности, надуманности, и ирреалистическое изображение мира дается в системе зыбких образов, разорванных, мало связанных друг с другом.

Но уже и в этих, еще незрелых, произведениях Арагона чувствуются проблески настоящего таланта, еще не нашедшего свое место, еще не осознавшего себя.

Луи Арагон возглавил в течении сюрреализма радикально-демократическую струю. Это наметилось со всей отчетливостью в 1931 году, после выхода его большой поэмы «Красный фронт».

Поэт побывал в Советском Союзе, и не как праздный турист, а как человек, ищущий путей к правде и справедливости. Он ознакомился с жизнью советского народа, социалистическим строительством, он вглядывался в облик живых людей — строителей нового общества.

Масса нахлынувших впечатлений, сопоставлений и ассоциаций нашла свое оформление в поэме «Красный фронт». Здесь Арагон еще не освободился целиком от формалистского манерничанья. Но в целом его поэма—смелый шаг вперед, в лагерь борющегося рабочего класса.

Он рассказывает в патетических тонах о Советском Союзе и призывает французских пролетариев последовать примеру русских собратьев. Здесь Арагон становится поэтом грядущей социальной революции:

Как жаль, что невозможно пулеметом
Обстреливать и косность и упрямство...
У Революции в глазах читаю синих
Необходимость беспощадных мер...

В поэме много публицистических мест, введены политические лозунги, но они органически связаны с общим стилем произведения, с высокой патетикой, в которой при этом проглядывают элементы реализма — в описании быта советских рабочих и крестьян, в воссоздании светлой и радостной атмосферы СССР, захватившей поэта:

О безработице давно здесь позабыли,
Стук молота и визг серпа
Восходят до небес.
Здесь нет без молота рабочего и без
Серпа крестьянина. Кузнечики поют,
И жизнерадостностью воздух полон
детской
В земле советской.

Поэма «Красный фронт» служит как бы водоразделом между первым и вторым этапами творчества и деятельности Арагона. Он перестает быть «безобидным» поэтом-индивидуалистом и становится на службу революции.

Луи Арагон порывает с сюрреалистами, как только определяется контрреволюционная сущность их теории. Его следующая книга стихов «Ура, Урал!» дает поэтический сгусток впечатлений от путешествия поэта по советскому Уралу. Стиль стихов Арагона становится более простым и доходчивым до широкого читателя. Вычурность образов и патетическая взволнованность уступают место спокойной и благородной простоте. Он восторгается сегодняшним днем Советской страны и вспоминает эпизоды былой борьбы с бандами Колчака на Урале.

В 1935 году появилось первое большое прозаическое произведение Арагона — «Базельские колокола», входящее в цикл «Реальный мир».

Об Арагоне заговорили как о выдающемся мастере художественной прозы. Недавнее — но уже историческое — прошлое встает перед читателем в этом романе. Арагон показывает различные слои французской буржуазии в период времени, непосредственно примыкающий к мировой войне. Он развертывает галлерею реалистических образов, удачно сочетая в своем произведении разнохарактерные жанры эпического полотна, сатирической новеллы, художественного очерка и репортажа.

Совсем недавно Луи Арагон опубликовал вторую книгу цикла «Реальный мир», названную им «Фешенебельные кварталы». Здесь революционный реализм писателя еще более углубляется. Арагон рисует провинциальную Францию с ее затхлой мещанской средой, с маленькими сплетнями и пересудами, с дешевыми интригами местных политиканов и делает это мастерски. Затем действие переносится в Париж 1913 года, в этот котел, насыщенный до краев кровавыми драмами и конфликтами. Арагон показывает народные массы. Впервые в его творчестве действующим лицом является народ, как подлинный двигатель истории.

«Фешенебельные кварталы», как и «Базельские колокола», даны Арагоном как картины прошлого. В день сорокалетия Арагона можно выразить уверенность в том, что этот мастер пера, находящийся на неустанном под'еме своего творчества, даст в ближайшем будущем произведения, отображающие наши дни.

Несмотря на то, что Арагон — революционный писатель и коммунист, буржуазная критика не сочла удобным замолчать появление такого выдающегося произведения, как «Фешенебельные кварталы». Арагону присуждена премия Теофраста Ренодо, одна из важнейших литературных премий Франции. Отвечая на озлобленные нападки крайней правой печати за присуждение ему этой награды, Арагон писал, между прочим: «Я думаю, что членов жюри привлекала не столько моя книга, сколько тот решительный «поворот к реальности», который она возвещала в современной французской литературе».

Арагон справедливо отмечает, что присуждение ему этой премии подчеркивает тот интерес, который существует в передовых слоях современной Франции к действенному реализму, стремящемуся преобразовать мир, реализму, представителем которого является Луи Арагон.

АЛ. ДЕЙЧ

Исидоро Асеведо

Исидоро Асеведо не только крупный общественный деятель, но не менее крупный революционный писатель Испании.

Писатель родился в 1867 году в Астурии, с которой, как вообще с севером Испании, тесно связаны его общественная деятельность, а также и многие сюжеты его произведений. В общественной жизни Асеведо участвует давно. Еще до вступления в 1886 году в социалистическую партию он вел активную профессиональную работу в Испанской федерации типографского дела, состоя членом одной из крупнейших ее секций «Мадридское об'единение печатного искусства».

В 1898—99 году, рабатая в качестве редактора сантандерской газеты «Голос народа», Асеведо впервые был приговорен к трехлетнему тюремному заключению за «кощунственное отношение к религии». Вторично он попадает в тюрьму в 1905 году, уже будучи советником муниципалитета города Бильбао. Писателя обвинили в «оскорблении величества».

С 1921 года, когда в Испании из Национального комитета социалистической партии выделилась компартия, Асеведо вошел в нее и до настоящего времени состоит членом ее Центрального Комитета. В 1922 и 1924 гг. он был в СССР в качестве делегата от Испании на конгрессах Коминтерна и Профинтерна.

Первый свой роман «Наука и сердце» Исидоро Асеведо написал в тюрьме; книга эта посвящена показу любви, брака и семьи в буржуазных условиях.

Кроме «Науки и сердца» и книги «Фабрика» Асеведо написал серию очерков «Путешествие в Россию», являющуюся результатом его посещения СССР и сыгравшую очень благоприятную роль в ознакомлении испанского читателя со страной строящегося социализма.

Но подлинной большой известности Асеведо достиг как автор романа «Кроты», написанного в 1930 году.

«Кроты» явились первой по времени и лучшей из всей испанской литературы книгой, посвященной изображению рабочего класса Испании.

Сам в молодости горняк, Асеведо с полным знанием дела, в ярких красках нарисовал тяжелую жизнь подземных «кротов».

Простым и ярким языком Исидоро Асеведо описывает борьбу астурийских горняков против удлинения рабочего дня. Книга построена на материале, полученном Асеведо во время его журналистской работы. Она рассказывает о приехавшем в шахту мадридском журналисте Хименесе (в молодости горняке, как и сам Асеведо) во время забастовки горняков, для руководства борьбой.

Как подлинный писатель-большевик, Асеведо пронизывает все свое творчество боевой партийностью. И в «Кротах», помимо показа тяжелых жизненных условий рабочих горняков, писатель отводит большое место разоблачению тактики социал-реформистов, входящих в рабочую организацию и сорвавших забастовку горняков.

Очень жаль, что Гослитиздатом до сих пор не переведено на русский язык это интересное и ценное произведение, рисующее жизнь и борьбу героических астурийских горняков.

Н. ГАБИНСКИЙ

Ф. КЕЛЬИН

Письма из Испании

Народный поэт

Прошел год с тех пор, как фашистами был убит народный поэт Испании Федерико Гарсия Лорка и его книги были сожжены на одной из площадей Гренады.

Фашистская печать очень долго отрицала факт убийства. Известно, что на запрос Герберта Уэльса военный губернатор Гренады ответил, что ему «ничего неизвестно о местопребывании поэта». Потом в мировой печати стали появляться отрывочные сведения о трагической судьбе Лорки.

По одним — поэт был расстрелян по ошибке: его будто бы задержали на дороге, и так как он не мог представить никаких документов, расстреляли вместе с другими подозрительными людьми, задержанными в тот же день. По другим — у него при обыске на квартире обнаружили письмо социалистического депутата Фернандо де-лос-Риос.

Признавая расстрел крупного романиста поколения 1898 г. Сихес-Апарисио, бывшего в момент мятежа гражданским губернатором Авилы, кинокритика Хуана Пикераса, Леопольда Аласа и др., фашисты упорно отказывались признать факт убийства Лорки.

10 июля 1937 г. на валенсийском заседании 2-го Международного конгресса в защиту культуры Фернандо де-лос-Риос, говоря о своей поездке на гренадский фронт и своих беседах с перебежчиками, сообщил следующие сведения о фашистском терроре в Гренаде:

«Три раза, — сказал он, — фашистам пришлось расширять кладбище в Гренаде. Было расстреляно шесть профессоров, включая ректора университета, пятеро из одиннадцати депутатов левых партий, большая группа работников различного рода профессий и наконец 14 тысяч рабочих. Три раза расширяли кладбище, и все было мало. Тогда убитых пришлось распределять по окрестным деревням. В одном из селений близ Гренады, по дороге в него, был расстрелян Федерико Гарсия Лорка. Теперь я точно знаю место, где он похоронен. За что был он расстрелян? Конечно, не за то, что его звали Федерико Гарсия Лорка. В его лице хотели убить не поэта, а поэзию...»

Сейчас сведения Фернандо де-лос-Риоса о трагической гибели поэта могут быть значительно дополнены на основании рассказа одного из участников (или, по крайней мере, свидетелей) преступления. Это— перебежчик из фашистского лагеря, находящийся в Валенсии. Он уроженец Гренады. Его мать и пять братьев находятся у мятежников.

На вопрос корреспондента одной из валенсийских газет «знал ли он Гарсия Лорку», он отвечает отрицательно. Нет, он его не знал, но читал его стихи. Ужасная судьба заставила его присутствовать при расстреле поэта. Это даже не был расстрел. За Гарсия Лоркой убийцы гнались, как за зверем, они осыпали его градом пуль.

*

Вот рассказ этого человека:

«Я принадлежал тогда к Гражданской гвардии г. Гренады. Политически несознательный, я все же втайне сочувствовал народному делу. Я сам вышел из народа. К тому же всякий невольно стал бы на его сторону, видя те ужасающие преступления и убийства, которые совершали мятежники в первый день мятежа. Сколько мог бы я вам рассказать об убитых и об их ужасной гибели! Но мой рассказ только слабое отражение действительности. Черная штаб-квартира, с ее орудиями пытки, восходившими к эпохе инквизиции: дубины, железные палицы, ножи, бичи, щипцы... Одному из палачей пришла в голову мысль сделать дубинку с лезвиями ножа. Этим путем палачи рассчитывали добиться от своих жертв признаний, где скрываются рабочие.

В тот день я был в карауле. Я увидел, как в казарму вошел юноша. Он был бледен, но держался спокойно. Федерико Гарсия Лорка... Когда я его увидел, я понял, что его ожидает ужасная участь. Гарсия Лорка скрепил свой смертный приговор в тот день, когда написал свой знаменитый романс «О Гражданской гвардии».

Мне сказали, что он скрывался во французской миссии. Его хитростью выманили из его убежища, а затем арестовали. Как и всех остальных, его не судили. В ту же ночь его вывели из казарм Гражданской гвардии под караулом пикета, и я, несчастный, входил в состав этого пикета.

Автомобили тронулись по шоссе, ведшем в Падуль. Они остановились в восемнадцати километрах от Гренады. Было 8 часов вечера, когда мы вышли из автомобилей. Засветили фары, направив их ослепительный свет на Гарсия Лорку. Он шел впереди. Его силуэт ярко вырисовывался на фоне ночи. Стража поместилась за фарами. В их ярком свете ее почти не было видно.

Гарсия Лорка шел твердо, он был великолепен в своем спокойствии. Вдруг он остановился, повернулся к нам и стал говорить. Это было так неожиданно, что растерялся даже лейтенант Медина, начальник пикета. Гарсия Лорка говорил спокойно, голос его не дрожал и не срывался. Его слова были чужды душевной слабости, он не молил о пощаде. Он говорил о том, что любил больше всего на свете: о свободе. Он прославлял защиту интересов народа, то дело, которому он сам служил и за которое боролся против варварства и преступления.

Его пламенные слова произвели на нас сильное впечатление. Для меня они явились как бы откровением. Гарсия Лорка продолжал говорить. И тогда случилось нечто ужасное. Лейтенант Медина с проклятиями поднял свой пистолет и выстрелил. Потом, обратясь к нам, стал нас уговаривать стрелять. Кое-кто последовал его примеру, другие, в том числе и я, не могли притти в себя от смущения. На поэта посыпались удары прикладами, потом раздались выстрелы. Гарсия Лорка побежал, преследуемый градом пуль. Убийцы бросились за ним. Вот он упал и снова поднялся. Он был весь в крови; глаза его глядели грозно. Было ясно, что наступил конец. Гарсия Лорка пошатнулся и упал, чтобы больше уже не подняться. Лейтенант подскочил к его телу и выпустил в умиравшего три очереди из своего револьвера.

Тело Гарсия Лорки осталось лежать у дороги. Лицо его было повернуто в сторону его Гренады.

В ту же ночь я сказал моей матери, что больше не могу жить в этом аду, и стал искать удобного случая, чтобы бежать. За нами следили. Но вот я здесь. Я здесь узнал правду, узнал, за что вы боретесь. Ваша борьба стала моей борьбой. Я полностью убежден в правоте вашего дела. Предсмертные слова Гарсия Лорки были для меня откровением...»

★

Таков рассказ, проверенный и записанный. Он был опубликован валенсийским журналистом Висенте-Видаль-Корельой в газете «Аделанте» 15 сентября 1937 г. (№ 194). Перед нами очевидная картина расстрела, с точным указанием времени его и места. В этой части своей рассказ вполне совпадает с данными Фернандо де-лос Риоса. Могила Гарсия Лорки находится, повидимому, в 18—20 километрах от Гренады в одном из окрестных сел.

Но важно, конечно, не это. Важно то, что, по рассказу очевидца и участника, Гарсия Лорка встретил смерть, как солдат революции. Гарсия Лорка умер, защищая то дело, которое он любил больше всего: дело народа, дело свободы.

Важно и другое. Теперь фашистские палачи не смогут уже заявлять, что они не знают «местопребывания поэта». Из опроса жителей окрестных сел не трудно будет установить, где находится та братская могила, в которой он был зарыт. Защитникам убийц нельзя больше говорить, что Гарсия Лорка был убит по ошибке. Убийцы прекрасно знали, кого они убивали. Больше того. Они выманили поэта из его убежища, чтобы его расстрелять. В лице Гарсия Лорки они убивали не только поэта, но убивали и его дело.

Но фашистские палачи просчитались в своих расчетах. Дело Гарсия Лорки не умерло с ним, оно попрежнему живет. Сейчас оно сильнее, чем когда-либо. Гарсия Лорка превратился в подлинного народного поэта Испании. В Мадриде и Валенсии, в Барселоне на витринах книжных магазинов белеют народные издания его «Романсеро Хитано». Его пьесы («Марианна Пинеда», «Кровавая свадьба» и др.) не сходят с испанской сцены. На-днях в Мадриде открылся первый сезон «Театра искусства и пропаганды», руководимого Марией Тересой Леон. Из двух поставленных им пьес одна принадлежит Гарсия Лорке.

Его смерти посвящен ряд стихов. Среди них есть замечательные (Антонио Мачадо, Луиса-де-Тапия, Пабло Неруды, Эмилио Прадоса). Портреты Гарсия Лорки можно встретить повсюду в рабочих организациях, в клубах, в домах. О нем говорили в речах члены 2-го Международного конгресса в защиту культуры.

Его имя возглавляет список жертв фашизма на мемориальных досках. Он — всюду. Так тесно слились в сознании народа его замечательные стихи, его жизнь, его творчество и смерть с той героической борьбой, которую ведет сейчас народный фронт Испании за новый лучший мир, за победу передового и прогрессивного человечества.

На фоне книги Федерико Гарсия Лорка «Романсеро Хитано» — расстреливаемый в упор человек. Этот кадр из документального фильма о злодеяниях испанских фашистов напоминает борцам за свободу Испании о зверски убитом народном поэте.

Пишущему эти строки довелось принять участие в одном из «торжественных актов», посвященных памяти Гарсия Лорки (так называемом «оменахе») в валенсийском городке Кастельон-де-ля-Пляна, в 70 километрах от Валенсии. «Оменахе» имел место 19 июля, т. е. на другой день после годовщины гражданской войны.

Накануне Валенсия и побережье подверглись налету вражеских эскадрилий. Как всегда, они налетели ночью: в Валенсии в течение двух часов зловеще выла сирена, гремели выстрелы зенитных батарей. По небу судорожно метались голубые лучи прожекторов. Народ, только что наполнявший улицы шумного прифронтового города, искал приюта в «рефухьос» (убежищах). Неприятельские эскадрильи так и не прорвались в город. Они сбросили свой смертоносный груз на его окраинах и над соседними городами побережья — Сагунтом и Кастельоном.

В программу «оменахе» в Кастельоне входили: открытие площади имени Гарсия Лорки, митинг и спектакль в местном театре, где силами студенческой труппы была поставлена «Марианна Пинеда».

Был яркий солнечный день. Толпы народа. Произносили свои речи представители рабочих организаций, местной антифашистской интеллигенции. Когда официальная часть кончилась и народ схлынул с небольшой круглой площади, самой красивой в городе, на ней воцарилась тишина. Было слышно, как журчала вода в фонтане. Над ним непрестанно кружились, играя в воздухе, белые голуби. По бокам площади, на живой зеленой изгороди цвели лиловые, красные, желтые цветы. Откуда-то появились дети, и скоро их веселый гам прервал задумчивую тишину.

Я подошел к мемориальной доске, на ней золотыми буквами была выгравирована надпись: «Площадь имени народного поэта Федерико Гарсия Лорки». И я подумал, что тихий и застенчивый поэт с его обаятельной улыбкой и волшебным голосом, вероятно, был бы рад увидеть свое имя здесь на этой провинциальной площади, с ее фонтаном, белыми голубями и играющими детьми.

В заключение — один весьма существенный эпизод из жизни поэта. Рафаэль Альберти в своей разрушенной квартире на Калье Маркес-дель-Уркихо (она находится в доме, расположенном в трехстах метрах от линии окопов и была одно время занята неприятелем) среди щебня, мусора, осколков снарядов и разорванных книг нашел недавно несколько фотографий. На одной из них группа — Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон, Федерико Гарсия Лорка и генеральный секретарь компартии Испании Хосе Диас.

На мой вопрос, где и когда была снята эта фотография, Рафаэль мне ответил, что она относится к маю-июню 1936 г. Гарсия Лорка хотел встретиться с Хосе Диасом и просил об этом Альберти. «Федерико был настроен очень весело», вспоминает Рафаэль. «Мы обедали в народном ресторане. Он читал нам свои стихи, говорил о своих творческих планах. Он собирался написать трагедию. Могли мы думать тогда, что это был последний акт его собственной трагедии?».

Последним актом в жизни Гарсия Лорки была встреча народного поэта с генеральным секретарем компартии Испании — встреча, состоявшаяся по его инициативе. Она как бы подвела заключительный итог его творчеству, ярким светом озарила его жизнь. А затем страшная смерть на гренадском шоссе и бессмертие в памяти революционного человечества, в памяти испанского народа.

Валенсия, сентябрь 1937 г.

...И голос певца подымает класс

В. Маяковский

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Песельники, вперед!

Поэзия — один из наиболее отстающих у нас фронтов литературы, и никакими красивыми фразами этого факта не скроешь. Поэты наши еще далеко не всегда отдают себе отчет в том, чего ждет от них страна и наша сталинская эпоха, как им нужно петь, чтобы песни были ко времени.

В самом деле, осмотритесь кругом. Наша социалистическая родина на наших глазах расцветает, она стала сильной, бодрой, могущественной страной. Она требует боевых и радостных песен.

Без преувеличения можно сказать, что русский народ по заслугам славился своим творческим песенным даром.

В области песни русским народом созданы исключительные творческие памятники, подлинные шедевры. То, что собрано и опубликовано, не составляет и сотой доли песенного богатства народа.

Это богатейшее народное творчество — живой источник, который никогда не иссякнет. Из этого источника черпали свое вдохновение наши величайшие поэты. Обращение к этому живому источнику народного творчества удесятеряет творческие силы, подобно прикосновению героя греческой мифологии к матери-земле.

К сожалению, не видно, чтобы наши поэты льнули жадными устами к этому гигантскому источнику творческого вдохновения.

В ответ на требование народа песни действительно начинают появляться. За последнее время создано несколько прекрасных песен. Но мы не были бы большевиками, если бы удовлетворились немногими хорошими песнями. Больше того, это означало бы не слышать сигналов, которые идут из народных масс. Ведь дело у нас обстоит так, что мы, поэты, должны запеть вместе со всей страной.

Подумайте о том, в какое время мы живем, о том, что творится кругом во всем мире. Мы должны отказаться от свойственного нам благодушия и склонности к внутреннему самоуспокоению. Время требует от нас бдительности. Мы, писатели, прозаики и поэты, должны чувствовать себя боевой творческой организацией. Каждый из нас должен постоянно чувствовать себя литературным бойцом.

Подтягивая отстающий поэтический фронт, мы должны уделить особое внимание песенному творчеству.

В самом деле, тот, кому приходилось участвовать в боевых походах, не раз испытал это чувство. Бывало, например, кончается сорокаверстный поход, все страшно устали, ночь, кажется, не двинешься ни шагу вперед, и вдруг команда: «Песельники, вперед!» Выйдет вперед несколько кудрявых молодцов, лихо запоют, спляшут, и неизвестно откуда силы берутся, опять бодро идешь вперед.

Свое обращение к поэтам я бы и хотел озаглавить:

— Песельники, вперед!

Речь конечно, идет не о плохих, а о хороших песельниках.

А можно ли быть хорошим песельником, не зная народного творчества? Мы, к сожалению, не можем похвастать овладением народным творчеством не только в поэзии, но даже и в науке, в фольклористике.

Между тем вопрос о песенном жанре неразрывно связан с задачей изучения и овладения народным творчеством. В этом отношении большую помощь поэзии должна оказать фольклорная секция союза советских писателей. Для песенного жанра мы должны использовать замечательную энергию и опыт народного фольклора.

Народ — поистине гениальный творец.

Об'ективна и вместе с тем конкретна народная поэзия. Не одни поэты пишут злободневные стихи. Народ это тоже делал и не только в частушках. Есть целая серия народных песен, названная несправедливо, если не ошибаюсь, у Соболевского, — «низшей эпикой». Это прекрасные, короткие исторические песни, посвященные активной и конкретной тематике. Заключенная в этих песнях «злоба дня», выраженная поэтическим народным языком, сохранила свое значение и до настоящего времени, она живет и учит, и мы должны у нее учиться.

Песенный жанр у наших поэтов характеризуется слишком большим однообразием. Между тем народный фольклор отличается бесконечным разнообразием жанров. В частности, от нас ускользнул один очень важный и актуальный вид песенного жанра. Почти погибла народная сатирическая песня, ее никто не записывал. Дело в том, что в прежнее время сатирические песни распевались тайно. Чрезвычайно много записано любовных песен. Между тем немало осталось в народе и сатирических песен. Их выявлением необходимо заняться.

Зазвучавшие у нас за последнее время некоторые песни являются пока весьма односторонним и далеко не полным ответом на запросы масс и требования времени. А насколько многообразен песенный жанр, об этом свидетельствует народный фольклор. Возьмем, например, семейные песни. Что-то не слыхать, чтобы кто-либо сейчас писал семейные песни и чтобы народ их пел. Между тем, именно в семейном быту произошли громадные революционные изменения, — коренным образом изменилось положение женщины в семье, взаимоотношения детей и родителей, отношение жены к мужу, мужа к жене и т. д. Созданы ли у нас об этом песни? Не созданы.

Возьмите, далее, вдовье положение, положение сирот, — разве это не благодарнейшая тема для песни? Народные песни о сирых и убогих, как известно, были чрезвычайно унылые. А мы можем написать веселую песню, песню об исчезновении у нас сиротской доли, уничтоженной колхозом.

Множество интереснейших, социально насыщенных песенных тем в нашей великой стране.

В репертуаре дореволюционной народной песни большое место занимали так называемые «плачи». Эти «плачи» мы бросим. В нашей стране плакать не приходится. Но вместо бывших рекрутских, солдатских песен мы можем дать, и уже даем, песни красноармейские, и какие!

Народный фольклор знает также песни фабричные, о бурлаках, а также детские песни. Кто у нас сейчас пишет детские песни? Создана ли, например, хорошая колыбельная песня? Нет, не создана.

А хороводные песни? Почему не вести нам советских хороводов? А игровые песни?

Ничего этого до сих пор нет, никто в этом направлении не работает.

А обрядовые песни? Как умел народ наш украсить песней все свои жизненные обряды. Обрядовые песни у него делятся и на свадебные, и подблюдные, и масляничные, и жнивные. На все случаи жизни — песни.

Наши поэты таких песен пока не пишут.

У нас много отраслей труда, в которых могли бы быть созданы свои песни. Свои песни — в Донбассе, свои песни — у паровозостроителей, бетонщиков и т. д. К песенному творчеству нужно привлекать поэтов из среды работников этих отраслей.

Почему бы не собрать распеваемые в отдельных отраслях труда частушки и песни и не поработать над ними, превратив неграмотные, зачастую, стихи в грамотные.

При таком отношении к делу у нас вся страна запела бы действительно хорошие песни. Мы бы и сами зажглись и других вдохновили на создание песен.

Почему я заговорил о песенном жанре? Вопрос этот интересует меня отнюдь не только академически; давайте, мол, изучим песенный жанр, ликвидируем его однообразие и т. д.

Дело в другом. Ведь мы живем и боремся в героическое время, и наш честный поэтический голос должен звучать во-всю, мы должны полностью владеть своим мастерством.

Между тем ряд сигналов убеждает в том, что мы, поэты, еще отстаем от общего под'ема страны.

Наши достижения в песенном жанре удовлетворить нас никак не могут. Поэты всей нашей страны должны работать над повышением своего мастерства в этом жанре.

Общим для всех нас будет социалистическое содержание наших песен при обязательной, однако, национальной форме.

Как прекрасны песни наших национальностей! Возьмите, например, песни марийского народа. Переводя некоторые из них для книги «Двух пятилеток», работая над переводом поэмы одной марийской женщины, я был взволнован до слез. Безвестный автор дал в поэтическом обобщении волнующий образ современности, воспел радостную нашу долю в образе красивой девушки. Я принял все меры, чтобы разыскать ее. Но оказалось, что два месяца назад эта женщина скончалась. Песня, ею созданная, потрясает своей силой.

Глубоко потрясают национальные ойротские песни, как и песни других наших народов.

У всех нас, у всех народов СССР, есть одна общая песня. Эта песня—Сталинская Конституция, воплощающая грандиозные победы социализма в нашей стране. Эта песня будет звучать в веках.

Давайте, поэты, глубоко изучать нашу великую Конституцию, воплотим ее замечательные [illegible] достижения, в ней запечатленные, тех людей, которым эти достижения завоеваны.

Пропоем такую песню, чтобы в ней была вся наша душа, и тогда эту песню запоет весь народ.

Мы должны нашу песню сделать боевым оружием, готовые встретить гром, если он грянет. В час испытаний поздно оттачивать свое оружие, его нужно готовить заблаговременно.

Дело идет не просто о песне, а о наших творческих обязательствах.

Народ наш поет и требует от нас хороших, полнозвучных песен.

К созданию таких песен я и призываю наших поэтов.

■ ■ ■

Ученик школы ФЗУ Московского завода «Пресс» Н. Е. Макушин (слева) выбирает ноты в магазине Могиза. (Союзфото).

Генерал Лукач

Тебе я песню пропою,
Ты, девочка, не плачь.
Отец твой славно пал в бою —
Наш генерал Лукач.

«Капрони» взвился, и снаряд,
Вдруг воздух закачал.
В одной из боевых бригад
Не стало Лукача.

В Валенсии он погребен,
И мы его почтим.
И силу боевых знамен
Над Лукачом склоним.

Тебе я песню пропою,
Ты, девочка, не плачь,
Отец твой славно пал в бою —
Наш генерал Лукач.

АРК. КОГАН

Советский Союз — накануне двадцатилетия Великой социалистической революции. Со всех концов нашей родины идут радостные вести. Страна переживает новый под'ем. На фабриках и заводах, шахтах и железных дорогах, в колхозах и совхозах еще ярче разгорается пламя социалистического соревнования, ширится могучее стахановское движение. Советский народ готовится к радостному празднику великого Октября, к выборам в Верховный Совет СССР. Миллионы трудящихся изучают Сталинскую Конституцию и Избирательный закон. Десятки тысяч пропагандистов и агитаторов — партийных и непартийных большевиков — пошли в массы, чтобы раз'яснить им значение великой Сталинской Конституции, подготовить их к выборам.

Готовясь к празднованию великой октябрьской годовщины и к выборам в Верховный Совет, трудящиеся нашей страны под руководством партии Ленина—Сталина завоевывают новые победы, добиваются новых достижений. Радостно и счастливо живет советский народ. И как бы выражением этого служат те требования к советским писателям и композиторам, которые несутся со всех уголков советской земли, — дайте хорошие советские песни. Советский народ поет. Он поет о своей радостной жизни, о своей родине, о великих и любимых вождях, он прославляет свою партию Ленина—Сталина, славит Сталинскую Конституцию, в которой золотыми буквами записано право на труд, на отдых, на образование.

Песни лучших советских поэтов поют миллионы трудящихся нашей страны. Мало того, советская песня стала интернациональной. Об этом особенно ярко свидетельствует блестящий успех Краснознаменного ансамбля красноармейской песни и пляски во Франции и Чехословакии. Любимые песни советского народа, исполняемые Краснознаменным ансамблем на русском языке, стали любимыми песнями французского и чехословацкого слушателя. Это в свою очередь налагает особую ответственность на советских поэтов и композиторов, требует от них создать песни, понятные и доступные трудящимся капиталистических стран.

Несмотря на требования — дайте песен! — этот вопрос не был поставлен серьезно. Песенным жанром никто как следует не занимался. Сотни неполадок и неувязок стояли и стоят еще на пути создания массовой народной песни. Писательские организации и союз советских композиторов по существу не руководят этим важнейшим участком работы. Только сейчас вопрос о песне наконец поставлен в повестку дня. 25 сентября президиум правления союза советских писателей специально обсудил вопрос о песенном жанре. На заседании выступили поэты Демьян Бедный, В. И. Лебедев-Кумач, Виктор Гусев, Ив. Молчанов, Д. Алтаузен, Н. Асеев, а также тт. В. Ставский, Ю. М. Соколов, Аршаруни, профессор И. Розанов и др.

Сегодня «Литературная газета» печатает статьи советских поэтов, песни которых поет советский народ. Демьян Бедный. В. Лебедев-Кумач и Виктор Гусев ставят перед поэтами и композиторами, перед писательскими организациями и союзом советских композиторов целый ряд серьезных вопросов. Надо по-настоящему поработать над созданием массовой советской песни. Требование советского народа — дать хорошие песни — должно быть удовлетворено.

При обсуждении вопроса о песне на заседании президиума было внесено немало ценных предложений. Эти предложения надо реализовать. В частности пора уже заняться серьезно песнями народов СССР, покончить с недооценкой ашугов — народных певцов, повести с ними систематическую работу. Это ценнейшие кадры художников и пропагандистов, которые несут в народные массы советскую песню.

Владимир Маяковский в одном из своих стихотворений говорил: «В наши дни писатель — тот, кто напишет марш и лозунг». В. Маяковский высоко ставил песню как боевое революционное оружие, помогающее партии и рабочему классу бить врагов народа, помогающее строить социализм. Нельзя забыть боевых слов революционного поэта:

И песня,
и стих — это бомба и знамя,
и голос певца
подымает класс.

Давно пора в изобилии создать для народа радостные песни. Дело за вами, товарищи поэты и композиторы! Дело за писательскими организациями, за союзом советских композиторов!

В. ГУСЕВ

Рождение песни

Вопрос о песне — это не узкая, цеховая проблема поэтов, работающих в песенном жанре, а проблема общеписательская. Песня — одна из важнейших отраслей литературной работы.

Для поэта и композитора работа над песней — работа радостная, волнующая. Подобно драматургу, автор песни непосредственно слышит свое произведение, а исполнителей его видит своими глазами. Поэт, печатая стихотворение, лишь догадывается о впечатлении, произведенном им на читателя. Хорошая песня звучит всюду, на улице, на сцене, дома. Она входит в жизнь, ее напевают.

Песен у нас всегда писалось много. Огромное большинство их не вошло в быт, не имело успеха. Часто эти песни создавались наспех и, я бы сказал, бюрократически. В «Синей Блузе», например, были песни и частушки любой профессии, любой отрасли труда: сахарников, водников, пищевиков и т. д. Все это «создавалось» наспех, к очередному концерту, не находило поэтому отклика в аудитории и быстро исчезало. Многочисленные, зачастую недобросовестные, авторы, «строчили» песню за песней, а народ пел песни старые, в городе имели хождение песни блатные и мещанские. Вспомним, например, «Кирпичики».

Что произошло сейчас с песней? Исчезло разделение песен на песни «официально-идеологические» и песни для «души». Лучшие советские песни вошли в быт народа, их поют всюду, на улице и дома, их напевают про себя. Они стали любимыми песнями, песнями «для души».

Вспоминаю следующий эпизод. Через две недели после выхода на экран фильма «Цирк» я на пристани в Кременчуге видел, как вошедшие на пароход две учительницы запели «Песню о родине» и как все пассажиры парохода записывали у них слова песни.

Песня возникает из большого чувства, органически. Пытаться сверху насаждать песни во всех областях и отраслях труда — ни к чему, они не привьются. И наоборот, может появиться песня «местная», к примеру, песня донецких шахтеров, которая станет всенародной, как стала всенародной песня приамурских партизан.

Неверно думают некоторые, что, стремясь к народности в песне, надо **имитировать** народную песню. Песню нельзя имитировать даже самыми талантливыми средствами. Пример — Илья Сельвинский. Он написал ряд глубоко талантливых, на мой взгляд, и мастерски сделанных песен, но ни одну из них не поют. Все они — только высокохудожественная имитация, воспроизведение песен, уже певшихся в народе. Имитация не будет принята народом. Песня должна быть произведением **первичным**, произведением непосредственного чувства.

Нельзя копировать и язык народных песен. В известной мере он уже устарел, надо его омолаживать и развивать. Может быть, в «Каховке» — «этапы большого пути» — звучат плохо, но расширять песенный лексикон необходимо.

Популярные советские песни почти все созданы в результате активного сотрудничества поэтов и композиторов. Таковы песни Лебедева-Кумача и Дунаевского, Суркова и Покраса («Конармейская») и др. Тут дело не в организационной связи. Поэт должен понять, что песня — это не только его произведение, лишь обработанное композитором, а произведение двух полноправных соавторов. Каждый из них должен чувствовать и понимать интересы другого. Иногда, например, поэтическое сравнение, метафора, эпитет, сами по себе яркие и хорошие, песне мешают, потому что чересчур отвлекают внимание на себя и этим нарушают цельность восприятия. Сотрудничество с композитором помогает поэту выработать в себе вкус к песенной работе, овладеть новыми песенными ритмами.

Возможности распространения песен у нас огромны: кино, радио, эстрада. И самое главное — народ жаждет новых песен, мгновенно подхватывает их. Это прекрасно чувствуют наши артисты; сейчас, перед октябрьскими торжествами, они буквально осаждают нас, поэтов. Они говорят: в великие дни двадцатилетия мы не можем выйти к нашему зрителю, к слушателю со старым репертуаром.

А для нас, поэтов, что может быть выше счастья слышать свои песни в устах народа. Это окрыляет. Когда я слышу свое «Полюшко» на улицах и в домах, из уст школьников, я думаю о своих будущих песнях. Песни — трудная вещь. Из десятков, из многих десятков выходит настоящая — одна. Но тем почетнее и радостнее песенная работа.

Профессор И. РОЗАНОВ

Народ — великий критик и редактор

Может ли быть большее торжество для поэта, чем услышать в народной песне созданные им слова! Об этом чувстве с восторгом говорит в одном из своих стихотворений поэт Я. Полонский, услышавший однажды где-то в степной глуши песню на слова своего стихотворения.

Далеко не все песни, сочиненные поэтами, воспринимались народной массой. И наоборот, произведения, отнюдь не задуманные поэтом в качестве песни, становились популярными в народе и распевались им.

Вот несколько иллюстраций. Как известно, много песен было написано Жуковским, но в качестве песни утвердились очень немногие.

Некрасов, когда писал свои «Размышления у парадного под'езда», не мог предполагать, что стихотворение это зазвучит как песня. Между тем конец этой поэмы получил широкую популярность в качестве известной студенческой песни «Укажи мне такую обитель».

У нас не мало написано песен, но ценны из них только те, которые действительно дошли до масс.

Народ не только сам является великим поэтом, но и великим критиком и редактором. Можно, например, определенно констатировать, что особо замысловатые или непонятные выражения в песне обычно переделываются самим народом. Поправки, которые вообще вносит народ в песни, улучшают их.

Демьян Бедный признавал, что переделка народом первой строчки его песни «Как родная меня мать провожала» только улучшила ее.

Очень важна звуковая сторона песни. Народ часто вносит поправки в текст песни ради улучшения ее звучания. Так, например, переделаны слова Некрасова «Назови мне такую обитель» в «Укажи мне такую обитель», потому что так легче поется.

Было бы большой ошибкой со стороны поэтов настаивать непременно на своем, авторском, тексте. Гораздо ценнее текст, исправленный народом.

Наблюдения за трансформацией песен показывают, что большей частью народ сокращает первоначальный текст песни, но бывают случаи, когда наращивается новый текст к основному. Так, например, было с песней А. М. Горького «Солнце всходит и заходит».

Большое счастье для поэта, если ему удалось создать произведение, воспринимаемое народом без переделок как песнь. В этом отношении примечательна судьба «Коробочки» Некрасова.

Сам народ является поистине гениальным поэтом. Его творчество не только содержательно и эмоционально, но и характеризуется громадным мастерством. В народном творчестве мы находим исключительное богатство художественных приемов, далеко еще не усвоенное книжным творчеством.

Например, в то время как в народной поэзии ассонанс существует испокон веков, в книжной поэзии он был освоен только в XIX столетии.

Нашим поэтам нужно помнить, что учиться у народного творчества надо не только лиризму и эмоциональности поэзии, но и мастерству.

В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

На крыльях песни

Я рад и счастлив, что вопрос о песне наконец поставлен в повестку дня. Я не хочу касаться вопросов, относящихся к теории и методологии песенного творчества, — мне хочется затронуть ряд практических вопросов, рассказать о том, что мешает работе над песней.

У нас есть целый ряд жанров, о нужности которых много говорят, но развитию и культуре которых никак или почти никак не помогают. Нельзя же считать помощью редкие критические «заушения», которые появляются в прессе от случая к случаю. Так было с эстрадной драматургией, с так называемыми «малыми формами», так до последнего времени обстояло дело и с песней. Я верю и надеюсь, что мы в этом отношении стоим перед переломным этапом.

Назовите мне хотя бы одну большую, серьезную критическую статью о советской песне. Таких статей до сих пор не было! Критических, культурных изданий песен тоже нет.

Сборники песен, которые сейчас выходят, зачастую делаются наспех, халтурно, часто повторяют один другой. Насколько мне известно, в Музгизе нет даже специального квалифицированного редактора для приема и редактирования текстов песен. Песни издаются самотеком, вместе с одной хорошей и нужной выходит десяток слабых и макулатурных.

Другие организации относятся к песне еще более пренебрежительно, чем Музгиз. Возьмем к примеру радио. Прежде, всего, радио никогда не называет автора текста, называется композитор, а поэт — никогда. Получается полная обезличка. Кроме того, программы песен, передаваемых по радио, составляются неизвестно по какому принципу: хорошие новые песни зачастую не пропагандируются, часто дается длинная и скучная передача песен, как две капли воды похожих одна на другую, одного стиля и жанра, с одинаковыми исполнителями.

Не уделял до последнего времени нужного внимания песне и Граммпласттрест. Там также забывали указывать авторов текста и записывали песни без всякого плана и выбора. А между тем все эти организации могли бы и должны были бы способствовать расцвету советской песни.

Должен сказать, что и отношение к песне со стороны моих товарищей по поэтической секции не то, какого можно было бы ожидать. Многие еще считают песню каким-то низшим жанром поэзии. Здесь полезно вспомнить дискуссию о симфонической музыке и джазе, которая велась на страницах «Правды» и «Известий». Песня в Советской стране имеет не меньшее право на существование, чем любая поэма. А между тем в наших издательствах отношение к песне, мягко говоря, очень прохладное. Когда этой весной я пришел в Гослитиздат со сборником песен, надеясь издать его к 20-й годовщине Октября, — меня очень долго «кормили завтраками», а потом литературный редактор И. Уткин рекомендовал мне выкинуть из сборника побольше песен и дать просто стихи, ибо песни, как он выразился, ничего не прибавляют к моему поэтическому лицу. Книгу из Гослитиздата я, конечно, взял.

Еще пример. По просьбе редакции «Молодой гвардии» я послал для напечатания несколько вещей, большей частью — песни. Мне очень вежливо ответили, что песни, конечно, вещь хорошая, но без музыки их вряд ли стоит печатать. По тону ответа я понял, что они считают песню жанром, который в серьезном журнале помещать не стоит. Потом мы все-таки как будто сговорились. Я думаю, что если «Правда» находит место для песен, то и толстые журналы могли бы его найти.

Мы еще недостаточно оценили колоссальную оперативность, мобильность и эмоциональность песенного жанра. Любое политическое событие, любая кампания — достигнет самых широких масс и долетит до сердца каждого на крыльях песни. Злободневные песни, песни дня — должны у нас рождаться и распространяться быстро и умело. Такие песни, может быть, умрут через день, а может быть проживут века.

Я считаю, что надо в «Литературной газете», в «Советском искусстве» и в центральных газетах поднять вопрос о песне, давать критику новых песен, делиться опытом. Музгизу, Радио и Граммпласттресту надо серьезней заняться песней.

Да и союз писателей не должен больше забывать об этом жанре. Тов. Ставский спросил меня, чем мне в моем творчестве помог союз. Должен сказать, что пока абсолютно ничем. Мне помогают мои читатели, — вернее, мои певцы, — я получаю десятки писем в день. Дети, взрослые, красноармейцы, партизаны — все пишут, вносят поправки, дают советы, делают «заказы».

Я пережил незабываемый момент на открытии Сокольнического парка культуры и отдыха, когда стотысячная людская масса с оркестрами запела «Родину». Я говорю это для того, чтобы побудить других поэтов заняться песенным творчеством. Никто из писателей и поэтов прошлых веков никогда не переживал таких незабываемых минут, когда бы 100 тысяч человек исполняли его произведения. Это возможно только у нас, и это должно вдохновлять поэтов.

Песельником сразу не станешь, надо както переключиться на этот жанр, полюбить его. Песня хороша только тогда, когда самому хочется ее петь, когда она звучит от всего сердца. И, конечно, песня лучше всего получается, когда автор текста работает в теснейшем контакте с композитором.

Страна просит песен. Организуются все новые и новые ансамбли и кружки, каждый город, каждый завод, каждое предприятие хотят иметь свои песни. И я могу только пожелать, чтобы к 20-й годовщине Октября было как можно больше хороших, звучных, радостных и боевых советских песен.

А. В. АЛЕКСАНДРОВ
Профессор-орденоносец

Марш бодрости и мощи

Около месяца прошло с тех пор, как Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР выехал из Москвы на гастроли во Францию и Чехословакию.

В Париже, Лионе и Лилле наш ансамбль дал 16 концертов, которые прошли под бурные овации.

В десятках французских газет изо дня в день печатались восторженные отзывы.

Во Франции на наших концертах побывало больше 60 тысяч слушателей. Вся программа обычно бисировалась. Особенной популярностью пользовались «Песня о Сталине», «Песня о Ворошилове», французский национальный гимн «Марсельеза», «По долинам и по взгорьям», которые мы исполняли на французском языке, а также «Походная песня» известного французского композитора Мегюль.

В дни концертов, в антрактах, на приемах в советском полпредстве, на банкетах, в отелях, на улицах мы встречались с сотнями людей самых разнообразных профессий. Это были рабочие, писатели, композиторы, военные, искусствоведы, журналисты, политические деятели, артисты... И все они, оценивая наш ансамбль, восклицали:

— Браво!

Вагоны, в котором приехал наш ансамбль в Прагу, были буквально осаждены на вокзале сотнями встречавших.

Как и во Франции, здесь, в Праге, песни и пляски нашего ансамбля пользуются исключительным успехом. Под аплодисменты проходят «Песня о Сталине», «Песня о Ворошилове», «Партизанская» и разученный ансамблем чехословацкий национальный гимн. Мы неизменно бисируем номера программы.

Большой концерт мы даем в зале Люцерна — специально для рабочих Праги. Организуют этот концерт коммунистическая партия Чехословакии и руководство социал-демократической партии.

Мы узнали, что в Москве, на заседании президиума правления союза советских писателей, обсуждался вопрос о песне, об участии наших поэтов в создании этого замечательного народного жанра. Мы были искренно обрадованы тем, что этот вопрос теперь поднимается на должную высоту.

Кто, как не мы, участники Краснознаменного ансамбля, знает, какую огромную роль играет подлинно-массовая песня, знает, как любят слушатели эту песню, как эта песня зовет людей на борьбу за светлое будущее социализма.

И хочется сказать нашим поэтам, — тем, кто создает песни:

— Больше страсти, — нашей, большевистской... Больше правды, — народной, убеждающей...

Большую службу в песенном творчестве может сослужить наша сокровищница подлинной народной песни и былин русского народа. И поэты, и композиторы должны тщательно изучать народное творчество, — сегодняшнее и вчерашнее. Мы знаем, что многие замечательные произведения великого русского поэта А. С. Пушкина многим обязаны старинным русским сказкам, песням, легендам.

За последнее время наши поэты и композиторы почему-то мало внимания уделяют работе над военной песней. На этом участке песенного творчества надо усилить темпы, надо создать десятки бодрых военных песен, чтобы в них зазвучала мощь и культура нашей славной непобедимой армии.

Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР с нетерпением ждет возвращения на свою любимую родину.

Увидеть наши пограничные столбы, увидеть наших героев- пограничников, вступить на нашу цветущую землю, — это будет для нас самой большой радостью.

6 октября мы будем в Москве.

Привет родине!
Привет москвичам!

29 сентября.
По телефону из Праги.

■ ■ ■

Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски на репетиции.

В. ЛУГОВСКОЙ

Сулейман Стальский

«Мать моя была беременна мною, когда отец ни с того, ни с сего выгнал ее и женился на другой. Я родился у дяди в хлеву. Очень оскорбленные поступком отца, мои родственники выместили это на мне; тотчас же, не дав мне даже попробовать материнского молока, они завернули меня в драный палас и подкинули к отцовским воротам. Так с позора и началась моя жизнь... Я рос, как родился, в хлеву, рядом с буйволами...»

Так рассказывает сам Сулейман о начале своей многотрудной и плодотворной жизни. Бедняк и сын бедняка, он вложил столько труда в родную землю и столько подлинной страсти, ума и чувства в свои песни, что сделался близким и дорогим не только своему народу, но и всему великому Советскому Союзу. Путь его от бедняцкой сакли до Кремлевского дворца, где М. И. Калинин вручил ему орден Ленина,— путь лучших работников нашей страны. Он испытал все: голод, нищету, бесправие, каторжный труд, скитания, пламенную силу песни, великое освобождение, работу на пользу всей страны, почет и заслуженную славу. Образ этого мудрого, ясного, душевно чистого народного певца дорог миллионам людей.

В своей заключительной речи на первом всесоюзном с'езде советских писателей А. М. Горький замечательно душевно и горячо сказал о старом поэте.

«На меня и— я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи. Затем он — Гомер XX века — изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

Стальский рос, как поэт и гражданин, вместе со всеми трудящимися своего народа. Именно эта кровная, трудовая связь делает его простые стихи такими убедительными и близкими для каждого трудящегося человека. До сих пор он живет в своем родном ауле Ашага-Стал, и все дела и заботы лезгинского народа являются и его повседневной заботой. Могучее чувство обновления родной земли, радостные голоса нового поколения вернули Сулейману ощущение молодости. Ведь своей физической молодости он почти-что и не знал, — в такой беспросветной нужде, в таком безысходном труде прошла она.

Он говорил в стихотворении «Принимая от тов. Калинина орден Ленина...»

Я в руки смуглые свои
Беру бесценный этот дар
И чую страстный звон в крови:
Кровь позабыла, что я стар...
. . . .
Я видел сны и города,
И родники, и тень в садах,
Я видел жизнь, но никогда
Не видел молодость свою.
. . . .
Но хоть бойцов у нас не счесть,
Не всем дана такая честь,
Чтоб орден Ленина пронесть
Сквозь жизнь свою и жизнь страны.

Стальский пронес образ Ленина и орден Ленина сквозь свою жизнь и жизнь своей страны. Он искал правду, нашел ее и помолодел душой. Он начал слагать свои первые песни в дни нищеты и угнетения, и они складывались у него потому, что в его сердце стучалась живая и неприглядная жизнь лезгинской деревни, порабощенной беками, старостами, муллами, доморощенными купцами и российскими чиновниками и капиталистами. Виноградники Дербента, нефтяные промыслы Баку, английские концессии в Гяндже, среднеазиатские железные дороги — многое перевидал этот человек с изумительными голубыми глазами, с таким подлинным благородством в мыслях, словах и движениях. Он трудился, бедствовал, мыслил и странствовал и узнавал в этих странствиях лицо мира.

«Очень много увидел и узнал я за эти годы. Я узнал, что везде и всюду было одинаково трудно рабочему человеку, что уйти самому от себя невозможно, что бедные люди и на Сыр-Дарье и в Ашага-Стал одинаково несчастны. Тогда потянуло домой, скорее на родину, где могилы прадедов...».

Со всей горечью, со всем жгучим опытом бедняцкой жизни он обрушился на угнетателей лезгинского народа — кто бы это ни были: муллы, неправедные судьи, помещики или русские чиновники и их челядинцы — дагестанские беки. Он находил слова бичующие и беспощадные, и каждое явление деревенской жизни обрастало у него деталями и образами, взятыми непосредственно из жизни, и каждый случай, каждая несправедливость поднимались им до высоты подлинных обобщений.

И каждая из песен заканчивается ашугским рефреном, который в устах Сулеймана декларирует его связь с народом:

Куда бежать от этих бед?
От аксакалов пользы нет.
Так Сулейман сказал, — поэт, —
Ведь тоже он измучен, люди.

(«Старшине»).

Века вы грабили, века!
Довольно грабить бедняка!
От Сулеймана в вас крепка
Летит стрела негодованья, судьи.

(«Судьи»).

Пусть так. Но Сулейман поет:
Проснись, трудящийся народ!
Нас время грозное зовет, —
Зовет, чтоб мы бойцами стали.

(«Купцы, богачи»),

Это написано до Февральской революции. Поэт проклинает лезгинских купцов и богачей, национальную буржуазию, которая лакейски подлизывалась к русским чиновникам и капиталистам, издевалась над своим народом, предавала его на каждом шагу, культивировала гнусный язык «восточных анекдотов», презирая язык родины.

Подлизы! Подхалимы! Нам
Не отвечаете «селям»,
А «добрыутро»... просто срам!
Вы щеголять словами стали.
. . . .
В погонах вы шутами стали.
. . . .
Вы льнете к взяткам и чинам,
Вздохнуть вы не даете нам,
«Пшел, пшел!» — кричите беднякам,
Такими гордецами стали.

Сулейман с радостью принимает весть «о свержении царя», — заветную мечту лезгинского мужика, но скоро эта радость сменяется отчаянием. Ничего не изменила национальная буржуазия, обещав золотые горы, она не дала ничего трудящемуся народу. Она «обманула и обобрала» лезгинскую деревню.

Мне, Сулейману, жизнь видна,
Оставить сход велит она.
Нет им покрышки, нет и дна,
Одна лишь болтовня теперь.

Он клеймит этих продажных болтунов, издевается над марионеточными кавказскими буржуазными правительствами 18—19-го года, плюет в лицо организаторам погромов горских евреев, глумится над «ханжами, мерзавцами, мироедами». Кавказ мелких князьков и буржуазных националистов, продавшихся иностранным штабам, вызывает у поэта непримиримую злобу:

Ты слово каждому даешь,
Но это слово — только ложь...
Ты лжешь, ты на седло похож,
Что служит многим, злой Кавказ.

(«Кавказ» 1918—19 гг.).

С невиданной силой вспыхивают в нем, гордость, восторг, сила мысли, когда в дагестанские горы приходит желанное освобождение. Контрреволюционная сволочь вытеснена из аулов Лезгинии. Старый мир рухнул. В замечательном стихотворении «Погибни, старый мир» Сулейман находит слова огромного пафоса и редкой выразительности.

Мы знаем помыслы твои,
Погибни, старый мир!
Мы — давние враги твои,
Погибни, старый мир! —

так начинаются эти гордые стихи.

Октябрьская революция, большевизм, образы Ленина и Сталина подняли творчество Сулеймана Стальского на ту общенародную высоту, с которой ему стали видны события и явления всего мира. Все шире раздвигаются пределы его творчества, широкие социальные обобщения обогащают его речь новыми образами, делают ее более торжественной, приподнятой. Наступает та молодость духа, о которой он писал в своем стихотворении об ордене. Он становится уже не только поэтом лезгинской бедноты, но и поэтом всего Советского Союза и со всей молодой горячностью откликается на каждое событие в жизни народов Союза. Так рождаются стихи и поэмы о Ленине и Сталине, о Ворошилове и Кирове, о Красной Армии, о Горьком, о стахановцах и комсомоле, о Серго Орджоникидзе, о бдительности, о ликвидации кулачества, о коллективизации, о с'езде писателей, о Сталинской Конституции.

Старый поэт чувствует всем существом величие, мощь и славу Советского Союза. Он служит ему, не покладая рук, он черпает в героической жизни Союза новые силы, новое счастье.

Земных пространств шестая часть—
Такая родина у нас,
Богатство наше, наша власть,
Страна Советов есть у нас.

(«Наша сила»).

Так беспредельно расширяется мир для него и для тех, с кем неразрывна его связь, — для колхозного крестьянства Кавказа.

Он, видевший национальное угнетение, рознь и резню народов, радуется тому, что в Советском Союзе

Еще ни разу не рвалась
Народов радостная связь.

Он знает, что «большевикам преграды нет», он слышит всюду «неугомонный голос» советской молодежи. Во всех своих песнях Стальский не перестает обращаться к своему народу, к своей стране. И когда он говорит в стихах с крестьянством, агитирует за колхозы, предостерегает против кулаков и врагов, в его песнях звучит все тот же голос человека, всю жизнь свою отдавшего труду и земле.

Ты слову Сулеймана верь:
Умеет он пахать, колхозник!

с полным правом восклицает старый ашуг. И это придает его песням глубокую убедительность.

Лучшие, наиболее сильные строки свои Сулейман Стальский сложил о великом вожде народов — Сталине. Каждое событие в жизни Союза, каждая тема, над которой работает поэт, вызывают у него образ самого дорогого для нас человека, нашего учителя, вождя и друга. Стихи эти согреты теплотой и восторгом:

Живое двигая вперед,
Могучих партия ведет,
Шагает трудовой народ
И ты их знамя, Сталин!
. . . .
Идут года — за годом год
Нас сохраняешь от невзгод,
И дальний виден горизонт
Тебе, вершина — Сталин.

Эта верность делу Ленина и Сталина, простая мудрость, ясные и доступные каждому сердцу слова сделали имя Сулеймана Стальского знакомым почти каждому грамотному человеку в нашей стране. Замечательный старик ашуг, трудясь вместе со своим народом, деля с ним горе и радость, **думал за свой народ.** Огромный опыт жизни, желание жить и работать для народа, непримиримость к врагам народа сделали его простой стих содержательным и полноценным.

Люди Советского Союза любят Сулеймана Стальского и как человека и как поэта. Среди зеленых садов Ашага-Стал под отрогами Южно-Дагестанских гор живет и работает старик певец, сердце которого бьется одними ударами с великим сердцем Советского Союза, все испытавший, все перенесший и честно сказавший обо всем, что его печалило, радовало и вело в жизни.

С полным правом он может говорить о себе и своей поэзии:

Я, Сулейман, не знаю книг,
Но хорошо одно постиг:
С трудом, с трудом дается стих —
Стиха пустого быть не может.

Сулейман Стальский читает свои стихи школьникам аула Ашага-Стал.

Народный певец Дагестана орденоносец Сулейман Стальский.

СУЛЕЙМАН СТАЛЬСКИЙ

УРОЖАЙ

Уже леса в шелках цветных
И в серебре осеннем горы.
Колхозный мельник, как жених,
Раскрыл гостям все настежь створы.

Течет зерно из желобов,
Течет к нам счастье всех веков,
Как в половодье, с гор хребтов
Текут ручьи, стремясь в просторы.

Наш урожай всегда богат,
Земли советской верный брат.
В наш сад он входит горд и рад,
Чтоб ткать здесь золотом узоры.

На славу нам сады даны,
Как соком плод, мы сил полны
И, охраняя мир страны,
Здесь день и ночь не спят дозоры.

Большие дни больших побед,
Не в силах вас об'ять поэт.
Кремлевских звезд чудесный свет
Народам открывает взоры.

ПЕСНЯ О КРАСНОЙ АРМИИ

Ты шла всегда путем побед,
Стальная армия страны,
Твоей отваге меры нет,
Как нет числа бойцам страны.

Багряный шелк твоих знамен
Всесветной славой озарен,
И как бы ни был враг силен,
Он не пройдет рубеж страны.

Твой ясный взор и смел и прям,
Бойцы сродни богатырям,
Сердца бойцов подобны львам —
Оплот недремлющей страны.

И мудрой сталинской рукой
Зажжен твой факел боевой.
Тебя ведет нарком стальной,
Любовь и слава всей страны.

Жизнь наша правдою сильна.
Отвагой родина полна,
И, как гранитная стена,
Стоишь ты — верный сын страны.

И пусть коварный враг дерзнет,
Он смерть свою в тот день найдет.
Могуч и молод наш народ,
И всяк из нас — боец страны.

Поэта гордость — звонкий стих,
Но стих не терпит слов пустых;
И Стальский трех сынов своих
Взрастил для армии страны.

НАСТАВЛЕНИЕ

Семью советскую любя,
С прекрасной справишься задачей.
Коль сын отважнее тебя, —
Гордись отцовскою удачей.

И если сердцем он силен,
В огне работы закален,
И если дружбе верен он, —
Гордись отцовскою удачей.

Когда твой сын в труде упрям,
В учебе жаден, в спорах прям,
В боях сродни богатырям, —
Гордись отцовскою удачей.

Пусть будет честен он всегда,
Пусть будет крепок, как руда.
Коль в жилах кровь, а не вода, —
Гордись отцовскою удачей.

Мы любим молодость детей,
Познавших песни наших дней.
Как солнцем родины своей,
Гордись отцовскою удачей.

Чтоб силы вражьи превозмочь,
Чтоб мудрой родине помочь,
Пусть будет сын, пусть будет дочь, —
Гордись отцовскою удачей.

Когда же в детях я твоих
Узнаю дух борцов лихих,
Я, Сулейман, спою о них:
Гордись отцовскою удачей.

«Три города» Эмиля Золя

Романы «Лурд» — «Рим» — «Париж» и их судьба в России

I

Подготовительные рукописные материалы Золя к серии романов «Три города», до настоящего времени неопубликованные, за минимальными исключениями, даже во Франции, представляют большой научный интерес. «Наброски», «персонажи», «планы», этюды «с натуры» Золя не только раскрывают секреты творческой его лаборатории и знакомят с техникой его литературной работы, но и помогают лучше понять смысл его произведений.

«Три города» (1894—1898) посвящены современности. Одним из важнейших моментов этой серии романов явилось изображение спиритуалистической реакции 90-х годов. Золя, как писатель-социолог, антирелигиозно настроенный, хотел, по его словам, дать критическую «развернутую картину всего неокатолицизма, всех тенденций к нему; пробуждение мистицизма, усилия спиритуалистов». Идеалистическая реакция 90-х годов была направлена против естественно-научного (механистического) материализма, выдающимся представителем которого в литературе являлся натуралист Золя. Значительный размах спиритуалистической реакции об'ясняет и резкость, остроту противодействия этому движению в «Трех городах».

Характерной фигурой того времени был, например, Ф. Брюнетьер. Защита идеалистической философии сочеталась у Брюнетьера с пропагандой католицизма и национализма, в шовинистическом его аспекте. Брюнетьер был не одинок. Наряду с ним можно назвать Жюля Леметра, Мельхиора де Вогюэ и др. Против «мнимого банкротства науки» Золя выступил в своих романах «Три города». Они отмечены мелкобуржуазным радикализмом писателя. Защита Дрейфуса (1898) была естественным продолжением деятельности автора «Парижа».

Как всегда, Золя исходил в своем творчестве из общих идей; поэтому естественно, что среди его рукописей имеется набросок «Три города: Лурд—Рим—Париж». Здесь Золя устанавливает идеологическую особенность каждого романа и их взаимную связь: «В первом, «Лурде», я покажу стремление человека к иллюзии и вере, стремление человечества к счастью, **любовь к жизни** здесь, на земле. Все это я только намечу, точно так же, как и надежду на будущее. В «Лурде» больше ничего не должно быть. В «Риме» я могу показать крах старого католицизма, попытки неокатолицизма вернуть церкви прежнюю власть над миром. Итог века. Наука оспаривается, истинность ее подвергается сомнению, реакция спиритуализма и неизбежный провал его. Наконец, «Париж» — торжество социализма; человечество в зарождении новой гуманной веры нашло возможность установить на земле полное счастье, и все это на фоне современного Парижа».

II

«Париж»—заключительный роман серии. В «Париже» Золя хочет «показать социальную борьбу во всей ее остроте». Постепенно заостряется у Золя и антирелигиозный мотив. Писатель подчеркивает, что «идея о будущей (загробной) жизни окончательно обанкротится в связи с развитием науки». Такова проблематика Золя.

Рисуя в «Лурде» «религию страдания», Золя вместе с тем разоблачал лурдские «чудеса» и «исцеления». Острота его романа вызвала большой переполох в священническом лагере. В связи с романом «Лурд» католические круги и врачи, имевшие отношение к лурдским «исцелениям», издали множество брошюр, ожесточенно полемизировавших с Золя. Уже в сентябре 1894 г. роман Золя был осужден папской конгрегацией Индекса и включен в список «запрещенных авторов и книг», от которых римская инквизиция предостерегала всех христиан под угрозой наказаний.

Роман «Рим» посвящен «социальному католицизму» (Кетелера, Маннинга, Гиббона, Ирланда, де Мена и др.), руководство которым стремился взять в свои руки папа Лев XIII, автор энциклики «De rerum novarum» (1891), где он стремится привлечь к католицизму внимание рабочих. В связи с этим особый интерес представляют мысли Золя из «наброска» к «Риму» о социальном характере религиозных движений:

«В развитии человечества за вопросами религии всегда скрывались вопросы экономические. Вопрос хлеба насущного, вопрос счастья. Стоило только евреям перейти к оседлой жизни, покорить земли Ханаанские, стоило только возникнуть собственности, как разгорелась классовая борьба, появились богачи и бедняки, и тем самым было положено начало социальному вопросу... Все пророки, вплоть до Христа, были по существу лишь восставшими представителями народа; они рассказывали об его бедствиях и обрушивались на богачей, призывая на их головы всевозможные беды в наказание за жестокость и несправедливость... Однако христианство восторжествовало и вскоре было вынуждено, чтобы добиться окончательной победы, согласиться на введение частной собственности... Христианство превращается в католицизм (всемирная религия) и нуждается в сильных мира сего. С этого момента католическое общество вырастает во всесильный аппарат власти... Сверху сильные мира сего — богачи, внизу — бедняки, трудящиеся, им внушают терпение и покорность, обещая царство небесное».

В «наброске» к «Риму» поставлена и социальная проблема: «Но вот мы приходим к Французской революции, к той громадной надежде, которую дала миру идея свободы. Третье сословие, буржуазия, приходит к власти, возникает большая либеральная партия. В этом весь наш век. Одно лишь несомненно: идея свободы переживает сейчас упадок... Четвертое сословие, трудящиеся, страдает попрежнему и мечтает о своем 89-м годе. С этого момента возникают все требования социализма... Переход от рабского труда античного мира к труду наемному произвел колоссальную революцию; без сомнения, идея христианства была одним из ее факторов. В настоящее время нужно заменить наемный труд чем-то иным, участием рабочего в прибылях капиталиста. Борьба между трудом и капиталом. Нужно создать новое общество, к власти идет демократия, начинается новая эра в истории человечества».

III

«Париж» — наиболее социально насыщенный из романов серии «Три города». Основная идея романа выражена у Золя в начале его «наброска» так: «Из всех современных вопросов самой волнующей является проблема социальная и религиозная... проблема эта втайне обсуждается, и по сути самое разрешение ее и вызывает ожесточенную борьбу гнуснейших интересов, которые, сталкиваясь, готовы пожрать друг друга (всевозможные Панамы, глупейшая антисемитская война, и весь позор нашего времени с его продажной политикой отдельных личностей)... Здесь, быть может, и заложена основная идея моего «Парижа». Показать, что под слоем грязи, глупости и безумия все же вырабатывается и постепенно, с каждым днем, разрешается социальная и религиозная проблема».

В «Париже» Золя рисует широкую социальную фреску, изображая «черную нищету», с одной стороны, и «денежный, веселящийся Париж» — с другой. Разумеется, Золя, автора «Жерминаля», «Западни» и «Труда», нельзя упрекнуть в том, что он оставил без внимания труд индустриального пролетариата и ремесленников. Но в «Париже» четкой картины социальных противоречий буржуазного общества нет, социальный облик «нищеты» неопределенен, об угнетенном положении трудящегося Золя говорит в образной, риторической форме, с цветистыми заявлениями о «несметных легионах нищеты, всей массе обездоленных бедняков, которая в предсмертной агонии требует правосудия». Все же радикальный писатель Золя дает временами яркие картины социального угнетения.

Одним из сильных эпизодов в романе является гильотинирование рабочего Сальва. О замыслах Золя красноречиво свидетельствует рукописный план соответствующей главы романа. В нем можно прочесть: «Описание рабочего квартала (посмотреть заметки), где воздвигнута гильотина. Квартал, топография и характер. Труд, заводы еще не пробудились. Затем совершенно особая толпа посетителей казней, светский Париж, мошенники; в ожидании закусывают, смеются. Люди на деревьях, на крышах. Ничего не видно, дома в отдалении. Едва виднеется гильотина под низкорослыми платанами... Ее не воздвигают в богатом квартале, где она не имела бы никакого значения. Но здесь, в рабочем и бедном квартале, она служит угрозой и развязкой. Нищета, страдание приводят к ней, она держит в повиновении нищих и страждущих, всегда готовых к возмущению. Надо, чтобы нож гильотины, с грохотом падающий среди тишины, служил символом. Итак, казнь».

И антирелигиозный мотив заострен в «Париже»: «социальное и политическое влияние евангелия было бы пагубным,— говорит Золя в «наброске», — будь возможно его применение». И это приводит Золя без обиняков к заключению, что «с христианством, как таковым, покончено». Золя проповедует «веру в науку и разум», новую религию, основанную на законах труда, «религию жизни и плодовитости». Это он называет социализмом. Не нужно только упускать из виду, что в целом в романе «Париж» Золя развивал реформистскую концепцию о мирном сотрудничестве классов, о «солидарности как средстве».

Самое название романа «Париж», по замыслу Золя, имело особый идейный смысл. Носителями социальных чаяний героя всей серии, Пьера Фромана, являлись не те или иные общественные группы, а город Париж в целом, «город жатвы, город — источник всякого света». В связи с этим интересно, как Золя использует в романе живописный этюд «с натуры» «Виды Парижа». Подчеркивая социально-философские темы романа, он включает в фактографическое описание «с натуры» эмоционально-метафорические образы. Опорные описательные образы этюда сохранены в романе, но топография Парижа приобретает символический характер: «в лучах солнца уже нельзя было различить отдельных кварталов, социальные грани которых стирались».

Много внимания уделяет Золя в «наброске» к «Парижу» проблеме войны и всеобщего разоружения. Пацифист-гуманист Золя бросает идею, что усовершенствование разрушительных качеств техники сделает войну невозможной. Его герой, химик Гильом Фроман, изобретает взрывчатое вещество, благодаря которому «целая армия может быть уничтожена на расстоянии». Как «интернационалист», Гильом хочет достигнуть братства народов, одновременно опубликовав свое изобретение в ряде стран. Как «патриот», он стремится, с другой стороны, передать свой секрет Франции, так как считает ее способной «спасти мир».

Утопическую идею о невозможности войны в связи с развитием военной техники Золя разовьет позднее в романе «Труд». В конечном счете, в романе «Париж» Гильом использует взрывчатое вещество не в качестве разрушительной, а в качестве созидательной силы при конструкции нового двигателя, средств передвижения, воздушных шаров, машин и т. п. Но в обоих вариантах проблемы о взрывчатом веществе, «интернациональном» и «патриотическом», руководящей идеей Золя и его героев была мысль о «любви к человечеству». Она вызвана гуманитаризмом, характерным для Пьера и Гильома Фроманов, как и для их автора, Золя. Лишь поэтому Золя считает неприемлемым «насилие», т. е. революционное действие.

IV

Романы Золя «Лурд», «Рим» и «Париж» стали переводиться на русский язык непосредственно по выходе их во Франции и печатались в нескольких русских журналах. Это вызывало настороженное отношение к ним царской цензуры. Естественно, что, помимо социальной остроты некоторых мотивов романа «Париж», антирелигиозный характер серии должен был смущать защитников «православия, самодержавия и народности». Это и отразилось в цензурных делах о романах Золя.

«Чудеса» христианской церкви, описанные в «Лурде», имея в виду аналогичные явления в русской действительности — «чудотворные» мощи и иконы, — не могли не вызвать запретительной рьяности цензуры. Перевод «Лурда» Е. Поливановой подвергся преследованию, цензура требовала исключения ряда эпизодов.

По поводу романа «Париж» цензор писал о необходимости исключить «особенно резкие места, где героями высказываются мысли противу католичества и христианства и излагается вкратце учение анархизма». И действительно, в ряде изданий были сделаны сокращения. Отношение царской цензуры к романам Золя из серии «Три города» красноречиво свидетельствует о положительной социальной функции этих романов, несмотря на характерные для Золя реформистские мотивы.

М. ЭЙХЕНГОЛЬЦ

Из публикации, выходящей в свет в русско-французском номере «Литературного наследства».

Путь героя

Автобиографические записки И. Павлова, одного из неутомимейших руководителей и организаторов советского воздушного флота, будут с увлечением прочитаны советской молодежью.

Рассказывая о себе, И. Павлов, в сущности, рассказывает о целом поколении, воспитанном революцией, о славной плеяде летчиков, заложивших основы красной авиации, героически боровшихся в годы гражданской войны на стороне рабочих и крестьян против белогвардейцев и интервентов всех мастей.

Как и большинство его товарищей, которым он посвятил в своей книге теплые, задушевные страницы, покойный Павлов, по правильному определению тов. В. Хрипина, в его предисловии, был «романтик, поэт авиации», подлинный «рыцарь воздуха». Он всегда говорит о самолете, как о живом существе, как о любимом друге, не имеющем никаких тайн от него. Но призвание летчика, влюбленность в воздушную стихию сочетались в Павлове с глубочайшей преданностью рабочему классу, народу, сыном которого он был в подлинном смысле этого слова.

Первую часть книги составляют выдержки из дневника, который Павлов вел в 1914—17 гг., находясь на службе в царской армии. Эти выдержки дают отчетливое представление о том, как болезненно переживал молодой Павлов свое бесправное положение солдата, какой страстный протест вызывала в нем безотрадная действительность царских казарм, продажность, жестокость, кастовая надменность офицерской среды.

«Невыносимо тяжка мне эта жизнь, — записывает он 28 октября 1914 г. в своем дневнике, — но, крепко стиснув зубы, стараюсь с этим мириться. Я не теряю надежды на лучшее будущее. Оно должно притти. А если нет, тогда и жизни не надо».

11 февраля 1916 г. «...Меня угнетает мысль о том, что мое человеческое достоинство смято и смешано с грязью. Это не дает покоя, я глубоко страдаю. Я тысячу раз ненавижу себя за то, что я солдат...».

В этой тяжелой, душной обстановке Павлова не покидает мечта стать летчиком, научиться «летать, летать, как птица, даже лучше птицы». Это влечение в воздушные просторы проснулось в нем неожиданно — с тех пор как он случайно увидел в 1913 году летящий самолет, — проснулось о такой огромной, стихийной силой, что прахом пошли все его прежние планы посвятить себя деятельности агронома.

Но не так-то просто было в дореволюционных условиях «нижнему чину» добиться такой чести — стать летчиком. Это был удел привилегированных, убежденных в том, что такая благородная профессия не к лицу «мужичью».

Однако Павлов — человек упорной воли. Он не капитулирует перед трудностями. Он решил во что бы то ни стало добиться своего. Когда до него доходит весть, что его часть собираются после краткой подготовки отправить на фронт империалистической войны, он записывает:

«Нет, это, пожалуй, не выйдет у вас, господа. Я совсем не хочу, чтобы меня убили просто, как суслика. Я буду до последних сил драться, чтобы стать летчиком. А там посмотрим, нужно ли, действительно, умирать за вас».

Воля, настойчивость, вера в свое призвание прошибли в конце концов стену казенного равнодушия и тупого сопротивления. Павлова зачислили в группу солдат, предназначенных для обучения полетам. Снискав себе уважение своей смелостью, находчивостью, ловкостью, он попадает затем в группу людей, посылаемых для обучения летному делу во Францию.

Но и в Париже страданья Павлова не кончились. «Жулики из авиационной миссии» всячески мешали ему в учебе, будучи заинтересованы в «экономии» средств, которые уходили на пьянки и разврат. Однако «нижний чин» Павлов не сдал своих позиций: в декабре 1916 года он успешно закончил авиационную школу в Шартре со званием гражданского и военного летчика, а в феврале 1917 г., как раз накануне революции, школу усовершенствования в По, откуда вышел летчиком-истребителем.

Вся эта «эпопея» лучше всяких слов об'ясняет энтузиазм, охвативший Павлова при известии о свержении царского режима и о дальнейшем развитии революции. Великая Октябрьская революция застала автора книги на юго-западном фронте — и с первых же дней он связал свою судьбу с партией большевиков, верным сыном которой он оставался до последнего вздоха.

В революции Павлов нашел себя. Его воспоминания о периоде гражданской войны — это повесть о человеке, который сформировался в боях за новое общество, которого революция вдохновила на героические подвиги во имя социалистической родины.

Павлов в описываемые им дни последовательно занимает посты командующего авиационной группой, авиацией 8-й армии, авиацией 13-й армии. Он воскрешает ряд замечательных эпизодов своей борьбы против врагов революции под Казанью, Воронежем, на юго-западном фронте и т. д., не замалчивая, однако, своих неудач, не затушевывая своих ошибок, смело обобщая опыт советской авиации того периода.

Ряд эпизодов, изображаемых в книге, захватывает своим драматизмом. Незабываемое впечатление производит сцена расправы Павлова с сотней белых казаков, в плен к которым он попал, не рассчитав места посадки возле станции Глубокая. Мастерски разыграв роль белого летчика, выполняющего якобы задания штаба группы генерала Маркова, Павлов не только «утихомирил» казаков, чуть не зарубивших его, но еще и заставил их помочь запустить мотор. Поднявшись в воздух, отважный летчик угостил белогвардейцев пулеметным ураганом, приведшим их в неописуемую панику.

Исключительный интерес представляют в книге Павлова страницы, посвященные товарищу Сталину, его роли в организации победы над деникинщиной и врангелевщиной, значению его инициативы в создании мощной советской авиации.

С большой теплотой воссоздает автор записок рабочую обстановку Сталина, вызвавшего его к себе, и образ самого вождя, ласковое внимание которого глубоко взволновало молодого летчика, окрылило новыми силами.

Слова, которыми Павлов сумел выразить свое впечатление от встречи с вождем, говорят о бесконечной вере автора «Боевого пути» в творческие силы революции, о безграничной преданности его делу рабочего класса. Самые тяжелые испытания не могли сломить этой веры. Даже невыразимо страдая от болезни, явившейся результатом воздушной катастрофы во Франции и осложнившейся в суровой обстановке войны, Павлов не дает отчаянию одолеть его.

«Правда, — пишет он, — я сильно исхудал, измучился. Мне тогда друзья говорили, что от меня остались кожа да кости. Но они не знали, что было скрыто под этими костями и кожей. **Они не могли видеть моего сердца, страстно рвавшегося к жизни, к завершению того великого дела, с которым были связаны все помыслы мои и чаяния».** (Подчеркнуто нами — Я. Э.).

«Боевой путь» — это не только важный исторический документ, мимо которого не пройдет ни один человек, интересующийся историей советской авиации. Это одновременно и повесть о людях сталинской школы — сильных, целеустремленных, полных революционного оптимизма, умеющих только побеждать и не способных сдаваться. Это делает книгу полезной и поучительной для советских читателей, — особенно для молодежи.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН.

И. У. Павлов — «Боевой путь». Записки красного летчика. Под общей редакцией и с предисловием В. Хрипина. Изд-во «Молодая гвардия». 1937 г. Стр. 295. Цена 5 руб.

«Краткий курс истории СССР» — любимая книга учащихся. На снимке: ученица 3 класса 57-й Ташкентской школы **М. Нестерова** (вторая слева) показывает одноклассникам приобретенный ею учебник истории. Справа налево: **В. Ермолова, Е. Гербеев, Н. Кеплерева и Р. Аминова.** (Союзфото).

Геннадий ФИШ

РАСТУЩИЙ ПИСАТЕЛЬ

«Качановку» — первую книжку Е. Немировой — было очень приятно читать. Через восприятие ребенка автором показывалась унылая, медлительная и беспросветная жизнь местечка в черте оседлости. И несмотря на то, что на эту тему было написано и раньше немало книг, «Качановка» выделялась из этого ряда незаурядной наблюдательностью автора, метким словом, неожиданным, но точным образом, занимательностью повествования; занимательностью, которой тем труднее было достигнуть, что повествование было по сути дела бессюжетным.

До читателя доходила и тонкая, умная лиричность книги...

Но сильная в показе беспросветности и ограниченности местечковой дореволюционной жизни, в показе тягостной жизни тыла во время империалистической войны,— книжка становилась значительно поверхностнее как раз там, где начиналось изображение, как революция разбила, смела, уничтожила все условия этой местечковой жизни, смела путы национального угнетения. Поверхностно показано, как забитые люди Качановки увидели счастье и сами начали его строить.

Были и другие недостатки в хорошей книжке Немировой. Наряду с ярким образом — образ нарочитый. Также казалось иногда, будто автор забывает, что его герой — ребенок, глазами которого он смотрит на мир, — растет в процессе развития повести (повесть охватывает период около двадцати лет). Поэтому в последних главах читатель испытывал ощущение некоторой инфантильности героя.

Книжка тем не менее была хорошая. Тем больший интерес вызывает новая большая вещь Е. Немировой, которая должна в ближайшее время появиться в свет. Это — книга о группе детей, лет 12—13, учеников одной из московских школ. Все действие развертывается в течение одного учебного года...

За это время происходит много событий в школе — укрепляется старая дружба мальчиков и девочек, возникают новые дружеские отношения, происходят мелкие перепалки и крупные ссоры, развертывается социалистическое соревнование между ребятами, отстающая группа делается «очхорной». Происходят важнейшие события вне стен школы. В зиму 1933—34 гг. погиб «Челюскин», разбит был лагерь на льдине и, наконец, Героями Советского Союза спасены со льдины все люди.

Учительница географии Агния Сидоровна сказала: «Весь курс географии перепутали. Вся школа одну Арктику учит»...

И вот вся жизнь этих школьников и сплетающаяся с ней жизнь советской страны даны в книге не хроникально, как, например, строилась повесть «Качановка», но в напряженно-сюжетном повествовании. Сюжетные линии связывают современность, показанную через восприятие советских детей, с годами гражданской войны, когда в кровавых боях отцы добывали для своих детей право на счастье, на учение, на труд.

Мать оставляет своего сына в 1921 году на руках боевого товарища мужа и с дочерью отправляется отыскивать мужа, пропавшего без вести — на фронте... В дороге она умирает на станции от сыпного тифа, и дочка ее попадает в руки посторонней женщины. И эта посторонняя женщина становится матерью девочки, точно так же, как друг мужа — отцом мальчика... И дети учатся в одном классе, и никто, и они сами, не подозревает, что они брат и сестра. Они убеждены в том, что их приемные отец и мать — подлинные родители. Все это раскрывается постепенно, в течение длинного и насыщенного многообразной жизнью учебного школьного года.

Е. Немировой удалось написать редкую в нашей литературе школьную повесть. Повесть занимательна, сюжетна, и — что особенно хочется отметить — книга прочтется с интересом и взрослыми.

Стиль автора в сравнении с «Качановкой» стал проще, точнее, вычурности уже нет и в помине. К сожалению, в иных местах проскальзывает некоторая сухость. Порою кажется, что автором сужен круг интересов и мыслей наших ребят.

Но в целом книжка реалистически живо показывает советских детей в сложности их взаимоотношений и переходов этих отношений. Автору иногда удается и тонкая нюансировка в показе детских настроений и взаимоотношений детей со старшими.

Эта повесть — «Судьба товарища» показывает, что автор, после продолжительной работы в советских газетах удачно вступивший в литературу своей книжкой «Качановка», продолжает расти и что в советской литературе одной интересной книжкой стало больше.

Плохая книжка

Краевые издательства уделяют очень мало внимания детской литературе. Издаваемая ими продукция, как правило, весьма низкого качества. Одним из доказательств может служить выпущенная Восточносибирским издательством книжка И. Молчанова (Сибирского) «Лыженята».

Книжка эта скучная. Автор не сумел в занимательной форме показать прогулку пионеров за город. Все ребята, действующие в книжке, на одно лицо. Говорят они серым языком, совершают маловразумительные поступки.

Прогулка пионеров заканчивается почти катастрофой: ребята помчались под гору — «за вагончиком вагон — пионерский эшелон».

А вагоны — шум, гром —
Завертелись кувырком.
А вагоны — шум, гам —
Лыжи, палки пополам...

И. Молчанов навязывает ребятам такие надуманные сравнения: понтонный мост похож на персик, автобус — круглый, как глобус, и т. п.

Около понтонного моста, по которому едет грузовик, автор поучает ребят: «Если в ногу зашагать, можно доски поломать», на что ребята отвечают: «Мы тогда на лыжи вплавь, только к берегу направь». Все это неестественно, безвкусно, плохо.

«Лыженята» явно состряпаны наспех. Автор начал с описания октябрят, но на второй странице «по рассеянности» превратил их в пионеров.

И. Молчанов мало работал и над рифмой. В некоторых местах он просто заставляет ребят коверкать язык:

— «Галя, можно? Галя, пьзя?
— Я сказала вам — нельзя!»

Рисунки художника Н. Шабалина однообразны, статичны и несколько плакатны. Сплошь и рядом они не соответствуют тексту. На второй странице И. Молчанов пишет: «глаз не видно, только — нос», на рисунке же ребята изображены с открытыми лицами и т. п.

Читал ли ответственный редактор Э. Муйжземнек подписанную им к печати книжку?

В. Т.

Ив. Молчанов (Сибирский), «Лыженята». Рис. Н. Шабалина. Иркутск. Восточносибирское издательство. 1937 г. Тираж 15000. Ц. 45 к.

Трибуна читателя

Нужны новые сборники для чтецов

Я — специфический читатель: я рассматриваю художественные произведения и под углом зрения пригодности их для художественного чтения с эстрады. Не буду сейчас говорить о большом пропагандистском значении этого жанра. Об'явленный на пороге двадцатилетия Великого Октября конкурс чтецов, думается мне, подчеркивает роль художественного слова в дни величайшего всенародного праздника.

Однако подбор художественных произведений для исполнения на эстраде — дело не легкое. Репертуар многих наших чтецов находится на невысоком уровне.

Но когда мы говорим о художественном чтении, нельзя замыкать свое внимание узким кругом профессиональных исполнителей. Речь должна итти и о тысячах самодеятельных чтецов, разбросанных по заводам, колхозам, школам, воинским частям нашей страны.

У нас существует несколько изданий «Чтеца-декламатора». Недостаток большей части из них заключается в том, что они **составлены без учета специфики эстрадного исполнения**, и поэтому многие вошедшие в них произведения при чтении с эстрады «не звучат». Мне кажется, что наши издательства должны немедля **выпустить новые сборники для чтецов.** К подбору материала нужно привлечь не только литераторов, но и исполнительские и режиссерские силы.

Эти сборники в первую очередь должны охватить все стороны нашего социалистического бытия, весь комплекс тем, связанных с празднованием 20-летия Великого Октября, с выборами в Верховный Совет СССР.

Вообще говоря, полезно было бы выпускать подобные сборники **периодически**, используя появляющиеся в печати новые произведения.

Это дало бы возможность сделать нашу эстраду более гибкой, злободневной, актуальной.

Антон ШВАРЦ.

Ленинград.

«Как вспомню— так вздрогну...»

В номере 24 журнала «Огонек» напечатаны стихи Иосифа Уткина «Маруся» (партизанская песня). Они начинаются так:

— Маруся, Маруся! Зеленые очи,
Родная сибирская кровь.
Как вспомню — так вздрогну...
Так память грохочет...

Дойдя до этого места, мы вздрогнули, и память «прогрохотала» нам: «Каховка». Ну, конечно, именно так начинается популярная песня из фильма «Три товарища», только вместо женского имени там название станции, ставшее легендарным, а эпитет «родная» применен к слову «винтовка». Размер тот же.

У Уткина:

...Гремят батареи. Гудят переправы.
строчит пулемет, как швец.

У Светлова в «Песне о Каховке»:

...Гремела атака, и пули свистели,
И громко строчил пулемет...

И там, и здесь фигурирует любимая девушка. Только в «Каховке» девушка «в походной шинели», у нее голубые глаза, а здесь, у Маруси, зеленые очи, и одета она в кожанку.

В стихотворении всего 24 строчки. Из них половина повторяющихся, и почти в каждой можно видеть «влияние» светловской «Каховки».

У Светлова: ...Так вспомни, товарищ,
как вместе сражались..

У Уткина: ...Мы вместе играли, мы
выросли вместе
И вместе, наверно, умрем...

У первого: ...Сквозь дым улыбались...
У второго: ...И ты говоришь мне сквоз
гром...

После Светлова можно без конца скандировать одинаково ударные слова, например: «Маруся, Маруся» или «Иосиф Иосиф», но все это будет только повторением удачно сказанного: «Каховка, Каховка».

ЛАПИН

НА ПОВОДУ У БУРЖУАЗНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ

От специальных корреспондентов «Литературной газеты»

Конституция Карельской автономной советской социалистической республики, устанавливающая в Карелии три государственных языка — карельский, финский и русский (соответственно трем главным национальностям, населяющим республику), признает первым государственным языком карельский язык — язык основной национальности страны.

Казалось бы, это естественно, это само собой вытекает из ленинско-сталинской национальной политики. Однако пункты Конституции КарАССР, говорящие о карельском национальном языке, завоеваны в ожесточенной борьбе с великофинским шовинизмом, с буржуазным национализмом. Карельский язык цинично изгонялся и подавлялся теми, кто пытался ориентировать карельский народ на фашистскую Финляндию, той шпионо-националистической бандой, которая и на фронте культуры активно вела свою подрывную, вредительскую работу.

Великофинские националисты выдвигали и использовали лживые и враждебные «теории» о происхождении карельского языка. То, что они, обманывая партию, называли «карелизацией», на самом деле означало финизацию культуры карельского народа. Подлинную культуру народа Карелии они ненавидели, они клеветали на нее.

После снятия буржуазно-националистического руководства в 1935 г. борьбу против карельской культуры возглавил Хюппенен, пользовавшийся полной поддержкой шпиона Ирклиса.

Враг, ненавидевший все создаваемое карельским народом, Хюппенен умело маскировался и прятал свое подлое лицо. Его тлетворное влияние проявилось на ряде участков культурного строительства в Карелии: в школе, в литературе, в театре...

Преподавание литературы в карельских учебных заведениях было насыщено буржуазно-националистическими установками и отдано в руки таким «литературоведам», как финский националист У. Руханен. В карельском пединституте он, например, отводил Ромэн Роллану в течение всего курса два учебных часа, а изучению «творчества» петрозаводского «писателя» Иогансона, изгнанного сейчас из литературной организации за ряд националистических произведений, Руханен посвятил... десять часов!

Так насаждалась националистическая панфинская идеология.

Если внимательно присмотреться к карельскому союзу писателей, легко увидеть, как здесь планомерно собирались и выращивались кадры финского национализма, как люди с самыми темными биографиями и связями находили здесь благоприятствующую им «питательную среду» и часто, прикрываясь званием советского писателя, получали возможность осуществлять свои вредительские планы.

Когда главаря националистической банды Ярвимяки снимают с работы в Кондопоге, его встречают с распростертыми об'ятиями в карельском союзе писателей, союз спешит организовать ему «творческий отпуск», создает ему славу автора еще не написанных «Мемуаров революционера» (?!). Уже заранее решено автобиографию врага перевести на русский язык чуть ли не за счет союза.

Когда за связь с фашистами и шпионами исключается из партии и снимается с работы в редакции газеты Эмиль Виртанен, союз не только не приглядывается к личности этого «писателя», но с благословения Хюппенена спешит предоставить ему теплое местечко ответственного секретаря в редакции журнала «Ринтама», органа союза писателей.

Когда некий И. Сергеев, снятый с работы в Кондопожском районе за склоки, пьянство и бытовое разложение, после ряда перемещений стал подыскивать себе «службу по вкусу», он направляется в союз писателей. Этого человека, не имеющего никакого отношения к литературе, немедленно избирают парторгом и делают руководителем массовой работы союза, воспитателем молодых кадров. На него же возлагают охрану авторских прав. Свои обязанности «охранителя» Сергеев понимает весьма своеобразно: для начала он крадет 8 тысяч рублей авторского гонорара.

Мобилизация националистических кадров шла по всем линиям. Хюппенен призывает вернуться к литературной работе и небезызвестного Л. Хело (Гуттари) и выписывает его из Ленинграда в Петрозаводск. Здесь хорошо помнили Хело — ярого националиста, бывшего в свое время в Карелии «полпредом» антипартийной троцкистской группировки «Литфронт», активного участника и организатора многих националистических групп, автора клеветнических рассказов и пьес.

Так карельский союз писателей становится центром притяжения буржуазно-националистических кадров (Руханен, Раутиайнен, Иогансон, Нюстрем и др.) и разных политических мерзавцев. Не случайно в карельском союзе мог подвизаться шпион Ойнонен, которому великофинские шовинисты в Карелии услужливо присваивали звание «классика».

Характерно, что люди, которых за неприкрытый национализм руководству союза несколько лет тому назад волей-неволей пришлось изгнать из литературной организации, продолжают до последнего времени группироваться вокруг КарССП, оказывают влияние на его работу и на творчество отдельных писателей.

Националист Аалтонен, изгнанный из партии и союза, привлекается ответственным секретарем КарССП Ф. Ивачевым к сотрудничеству в журнале «Ринтама» («Фронт»), и именно ему поручается приведение в порядок архивов союза.

В то время, как союз гостеприимно распахнул двери перед националистическим сбродом, выдвижение подлинных молодых кадров карельской литературы всячески тормозилось. В карельской литературной организации не могут назвать ни одного молодого карельского прозаика или поэта, которого союз вырастил бы за последние годы.

Характерно при этом, что в союзе, который располагает большими средствами и содержит целый штат консультантов, не было и нет консультации для молодых авторов-карелов. Вся массовая работа была доверена врагу Сергееву, и нет ничего удивительного в том, что массовая литературная самодеятельность, заводские и колхозные литгруппы, которые могли бы выдвинуть новые писательские кадры, были дезорганизованы.

Ответственный секретарь КарССП Ф. Ивачев сейчас, беседуя с нами, готов признать, что в дискуссии о карельском языке, в дискуссии, как мы уже говорили, огромного политического значения, союз занимал «пассивную позицию». Но это, конечно, неправда, хотя бы потому, что союз не может снять с себя ответственность за ту борьбу против карельского языка и культуры, которую вели в течение целого ряда лет люди, находившиеся в его рядах.

И если союз в целом, как общественная организация, не декларировал своего отношения к этой важнейшей проблеме, то мы знаем и другое: за все время работы КарССП вышло всего лишь несколько рассказов на родном языке карельских трудящихся. Ни для кого не секрет, что писателей и читателей враги ориентировали только на финский язык. Государственное издательство Карелии «Кирья» в 1937 г. запланировало, например, выпуск 222 книг. Характерны пропорции: 148 книг на финском языке и всего лишь 35 на карельском и 39 на русском.

За годы своего существования это издательство выпустило большое количество книг, которые могли обрадовать только финских фашистов. И в то же время несколько произведений Пушкина, впервые переведенные на карельский язык, до сих пор не изданы. Нет ни одного сборника произведений великого пролетарского писателя Горького на карельском языке. Издательство, придумывая «об'ективные причины», по сей день тормозит выпуск не только немногих карельских книг, но даже и первого карельского букваря.

Тут долголетняя националистическая практика издательства «Кирья» смыкается с националистической практикой союза писателей. И если издательство срывает выпуск к 20-й годовщине Великой социалистической революции юбилейного сборника на русском языке, то союз писателей до сегодняшнего дня не подготовил к печати юбилейного Октябрьского сборника на карельском языке (кстати, ответственным редактором этого сборника является не кто иной, как Ф. Ивачев, ответственный секретарь КарССП).

Националистическая практика сказалась не только в отсутствии книг на карельском языке, но и в игнорировании карельской тематики. Нет книг о современной социалистической Карелии, о ее замечательном народе, о его героическом прошлом, о ленинско-сталинской национальной политике, которая включила Карельскую республику в братскую семью советских народов.

Эти важнейшие творческие задачи не были поставлены перед каждым отдельным писателем и всей организацией в целом.

От этих задач отводил союз предатель Хюппенен. Художественное отображение социалистической Карелии противоречило интересам банды националистов и их ставленников в литорганизации.

Правда, немало слов было сказано о борьбе с национализмом, но ведь от руководителей КарССП мы вправе были ожидать подлинного разоблачения конкретных форм и методов подрывной работы националистов на фронте карельской культуры, а не произнесения трескучих речей и заклинаний.

Сейчас руководители союза готовы часами говорить о политической вредности романа Х. Тихли «Лист переворачивается». Автор его безоговорочно исключен из союза писателей. Но еще совсем недавно, до выступления «Правды», те же руководители всячески превозносили творчество Х. Тихли и помпезно справляли ее юбилей. «Ваша литературная деятельность, — писали они, — является примером для наших молодых писателей».

Критик Базанов выступил с обстоятельным докладом, восхваляющим творчество Х. Тихли, в том числе и роман «Лист переворачивается», не сочтя нужным даже прочитать его. Он доверился тезисам, изготовленным и врученным ему руководством союза. В таком же незавидном положении оказался и зав. издательством «Кирья» Леметти, познакомившийся впервые с романом только тогда, когда книга была уже отпечатана.

«Случай» с книгой Х. Тихли не единичен. Он свидетельствует об отсутствии принципиальности в критике, об отсутствии элементарной писательской честности.

Руководство карельского союза писателей шло на поводу у великофинских шовинистов. Председатель союза Ялмари Виртанен проявил себя гнилым либералом, не видевшим всего того, что делали враги в союзе, как превращали они его в гнездо буржуазного национализма. И в первую очередь Ялмари Виртанену следует с большевистской прямотой рассказать советской общественности о том, как и почему среди его произведений оказались и стихи, восхваляющие злейших врагов карельского народа.

До сих пор обо всем этом еще в полный голос не говорилось на писательских собраниях, на широком литературном активе, из всех обнаруженных фактов не сделано политических выводов.

На-днях ряд газет получил одну и ту же статью, подписанную одним и тем же именем. Она принадлежала перу Ф. Ивачева, ответственного секретаря КарССП, который, в сущности, являлся и является по сей день фактическим руководителем карельского союза писателей. Странное впечатление производит эта статья! Ф. Ивачев пишет о положении в союзе как сторонний наблюдатель, как будто он не имел никакого отношения ко всему тому, что творилось в союзе, ни в чем неповинен и никакой ответственности за политическую линию и практическую работу КарССП не несет.

Между тем, кто в Петрозаводске не знает, что Ивачев изо дня в день старательно выполнял вредительские директивы Хюппенена, согласовывал с ним не только основные вопросы работы союза, но и каждую мелочь. И кто же может больше, чем он, рассказать о тех закулисных пружинах, которые направляли работу союза в буржуазно-националистическое русло. Ведь именно он, Ивачев, рекомендовал к изданию роман «Лист переворачивается», печатал произведения Х. Тихли в редактируемом им альманахе и даже сам переводил их. Об этом в статье нет ни слова.

Точно так же обходит Ивачев молчанием свою далеко не последнюю роль и в выдвижении Сергеева на руководящую работу в КарССП, и в предоставлении «творческого отпуска» бандиту Ярвимяки, и в выдаче денежных пособий и ссуд националистам и врагам народа.

В своей статье Ивачев бегло упоминает о националистических и фашистских элементах, пробравшихся в союз. Однако он не находит нужным рассказать, как он принимал их в союз и какие лестные характеристики их посылал всесоюзному правлению ССП. В личном деле Эмиля Виртанена мы обнаружили характеристику, заканчивавшуюся утверждением, что этот изгнанный из союза человек «крепкий, способный, растущий поэт» (?). В ответ на наш недоуменный вопрос Ф. Ивачев пролепетал, что характеристики эти составлялись... техническим секретарем (!?).

Не чем другим, как двурушничеством, нельзя назвать подобное поведение, попытку скрыть от общественности свое угодничество и раболепие перед Хюппененом и К°. Ивачев, как руководитель карельской литературной организации, политически полностью дискредитировал себя.

Разоблачение буржуазного национализма в КарССП и очищение рядов писателей от белофинской нечисти еще не закончено. Эту работу надо провести решительно и до конца.

В. КРЕМНЕВ
С. ПЕТРОВ

«Колхозница» — скульптура заслуженного деятеля искусств скульптора **Я. Манизера**, предназначенная для оформления станции метро 2-й очереди «Площадь Революции».

НОВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ АРХИВА А. М. ГОРЬКОГО

За последние три дня Архив А. М. Горького пополнился новым ценным рукописным материалом великого писателя.

Редакция «Истории гражданской войны» передала рукописи разных авторов с правкой Алексея Максимовича. Из 523 страниц рукописного материала не найдется почти ни одной, на которой не было бы очень внимательной правки Горького.

Е. П. Пешкова передала совершенно неизвестный до сих пор автограф «В людях». Нужно полагать, что это черновой набросок первого варианта «В людях». Из других рукописей Горького, полученных от Е. П. Пешковой, нужно отметить — «О вреде философии», «Савва Морозов», «Сторож», «Два купца», «Рассказ о безответной любви».

В материале Е. П. Пешковой имеется также отрывок из «Матвея Кожемякина», приготовленный, по указанию А. М. Горького, для детской хрестоматии.

Значительно пополнился Архив материалами Комиссии по улучшению быта ученых, председателем которой, как известно, одно время был А. М. Горький.

Архив получил за последние три дня свыше 100 писем Горького к разным лицам. Одно из писем испещрено рисунками Алексея Максимовича.

«Летний литературный университет»

Совещание актива сектора политагитации и пропаганды Центрального парка культуры и отдыха им. Горького обсудило итоги летнего сезона в парке, в частности итоги его литературно-массовой работы.

185 тысяч москвичей присутствовали на лекциях о Пушкине, Толстом, Горьком, Чехове, прошли через литературные консультации, участвовали в конкурсах художественного чтения и т. п.

Залы и площадки парка, где выступали советские писатели или читались лекции о литературе, всегда были переполнены слушателями.

Пушкин, Горький, Маяковский привлекли к себе наибольшее внимание трудящихся, стояли в центре литературной жизни парка в летнем сезоне.

Организовав ставший уже традиционным для парка «День советской поэзии», когда перед тысячными аудиториями выступили 75 лучших поэтов страны, проводя декады, посвященные Пушкину и Горькому, устраивая десятки докладов на различные литературные темы, Центральный парк превратился в своего рода летний литературный университет.

А. АШУКИН

Книгопродавец-издатель А. Ф. Смирдин

В специальном «Сборнике литературных статей», изданном в 1858 г. петербургскими книгопродавцами и посвященном памяти Смирдина, деятельность его охарактеризована следующими словами: «Смирдин был первый книгопродавец, поставивший себя, а за собой и всю торговлю в правильные отношения к литературе и читателям».

Белинский годы книгоиздательской деятельности Смирдина назвал «смирдинским периодом» русской литературы. Это полушутливое определение великого критика глубоко верно.

До Смирдина, до 20-х годов XIX века, русская книжная торговля была далеко не в цветущем состоянии.

Серьезные книги расходились чрезвычайно медленно, годами залеживаясь у книгопродавцев.

В 1828 году русский историк Арцыбашев с горечью писал другому историку Погодину о том, что на второе издание «Истории государства Российского» Карамзина подписалось только 453 человека.

Узкий круг читателей ограничивался еще и вследствие высоких цен на книги, причиной чего была общая дороговизна жизни. Сравнительно дешевы были только предметы первой необходимости, но все, что могло быть отнесено к категории роскоши (а таковой еще для многих являлась книга — «игрушка») было для большинства недоступно. А вследствие слабого потребления книги незначительна была и книжная продукция.

К началу XIX в. в России печаталось в среднем около 250 книг в год. Изданием книг до XIX в. занимались или типографы и переплетчики или сами авторы, если только на помощь к ним не приходила дружеская помощь или же прихоть богатого мецената. Только в начале XIX в. ряд книгопродавцев (Глазуновы, Слепин, Ширяев и др.) стал широко развертывать издательскую деятельность. К концу 20-х годов выдвинулся, как издатель, и Смирдин.

Как большая часть русских книгопродавцев-издателей того времени, Александр Филиппович Смирдин вышел из низов, из среды малокультурного мещанства. Он родился в 1795 г. Не получил никакого образования. Тринадцати лет его отдали в «мальчики» в книжную лавку московского книгопродавца Ильина, затем он служил приказчиком в книжной лавке Ширяева, а в 1817 г. перешел на службу к петербургскому книгопродавцу П. А. Плавильщикову, питавшему глубокую любовь к книге, к литературе. Плавильщиков, оказывавший Смирдину глубокое доверие, поручил ему ведение всех своих дел. В 1823 г. Плавильщиков умер, завещав Смирдину свой книжный магазин, типографию и библиотеку. С этого времени началась самостоятельная книгопродавческая и издательская деятельность Смирдина.

Одним из первых его изданий был роман Булгарина «Иван Выжигин», выпущенный в 1829 г. и имевший необычайный успех. Отпечатанный в количестве трех или четырех тысяч экземпляров (по тем временам тираж огромный), роман был раскуплен в течение трех недель.

Книжный магазин Смирдина долгое время помещался на углу Мойки и Синего моста, а в конце 1831 г. переехал в обширное помещение на Невском проспекте.

Газета «Северная пчела» рекламировала это новоселье:

«...Смирдин утвердил торжество русского ума и, как говорится, посадил его в первый угол: на Невском проспекте, в прекрасном новом здании, принадлежащем лютеранской церкви св. Петра, в нижнем жилье, находится книжная торговля Смирдина. Русские книги в богатых переплетах стоят горделиво за стеклом в шкафах красного дерева, и вежливые приказчики, руководствуя покупающих своими библиографическими сведениями, удовлетворяют потребность каждого с необыкновенной скоростью. Сердце утешается при мысли, что, наконец, и русская наша литература вошла в честь и из подвалов переселилась в чертоги. Это как-то одушевляет писателя. В верхнем жилье, над магазином, в обширных залах устраивается библиотека для чтения, первая в России по богатству и полноте».

19 февраля 1832 г. Смирдин торжественно отпраздновал свое новоселье, устроив в одной из библиотечных зал обед, на котором присутствовали почти все находившиеся в то время в Петербурге литературные деятели, в том числе Пушкин, Крылов, Жуковский, Вяземский и, конечно, вездесущие Булгарин и Греч.

По предложению Жуковского гости решили одарить радушного книгопродавца своими произведениями, из которых и составился альманах «Новоселье» (1-й том 1833 г., 2-й том 1834 г., 3-й том 1839 г.).

Через два месяца после смирдинского обеда Вяземский писал И. И. Дмитриеву: «Рекомендую вам новую книжную лавку — Смирдина, первую европейскую лавку русскими книгами. В ней не темно, не холодно, не сыро и не грязно: говорю не в литературном отношении. Везде — красное дерево, бронза, все так нарядно, так блестит, что русским книгам должно быть совестно тут... Об обеде для новоселья, на котором журналисты перепились, говорить не стану. Увидим, какова будет **дижестия** (пищеварение) этого обеда, т. е. альманах, который обязались мы поставить в благодарность за хлеб-соль».

Книжная лавка Смирдина стала своего рода литературным клубом, там всегда можно было встретить литераторов.

Пушкин ценил добросовестность Смирдина и охотно поручал ему издание своих произведений. Когда в 1833 г. Смирдин предпринял издание журнала «Библиотека для чтения», Пушкин заключил с ним договор, по которому обязался предоставлять этому журналу свои новые произведения, получая по червонцу за стих.

Смирдин первый начал платить авторам высокие гонорары и выпускать книги большими тиражами. Он купил у Крылова право на издание его басен за 40 тысяч руб. ассигнациями, напечатал их в количестве 44 тысяч экз. по цене 4 руб. вместо существовавшей дотоле 15 руб. Такая высокая оценка литературного труда представлялась писателям той эпохи необыкновенной.

«Ломоносов и Державин, — писал литератор Лобанов, — едва ли собрали какие плоды за их бессмертные произведения... Ныне Смирдин предлагает (Крылову) — за каждую новую басню безусловно по 300 рублей. Таковы успехи словесности и книжной торговли в последнее 50-летие».

Вяземский, узнав о высоком гонораре, который Смирдин предложил Погорельскому, писал: «Стало, Русь начинает книжки читать, и грамота у нас на что-нибудь годится. Можно головою прокормить брюхо: слава те, господи!»

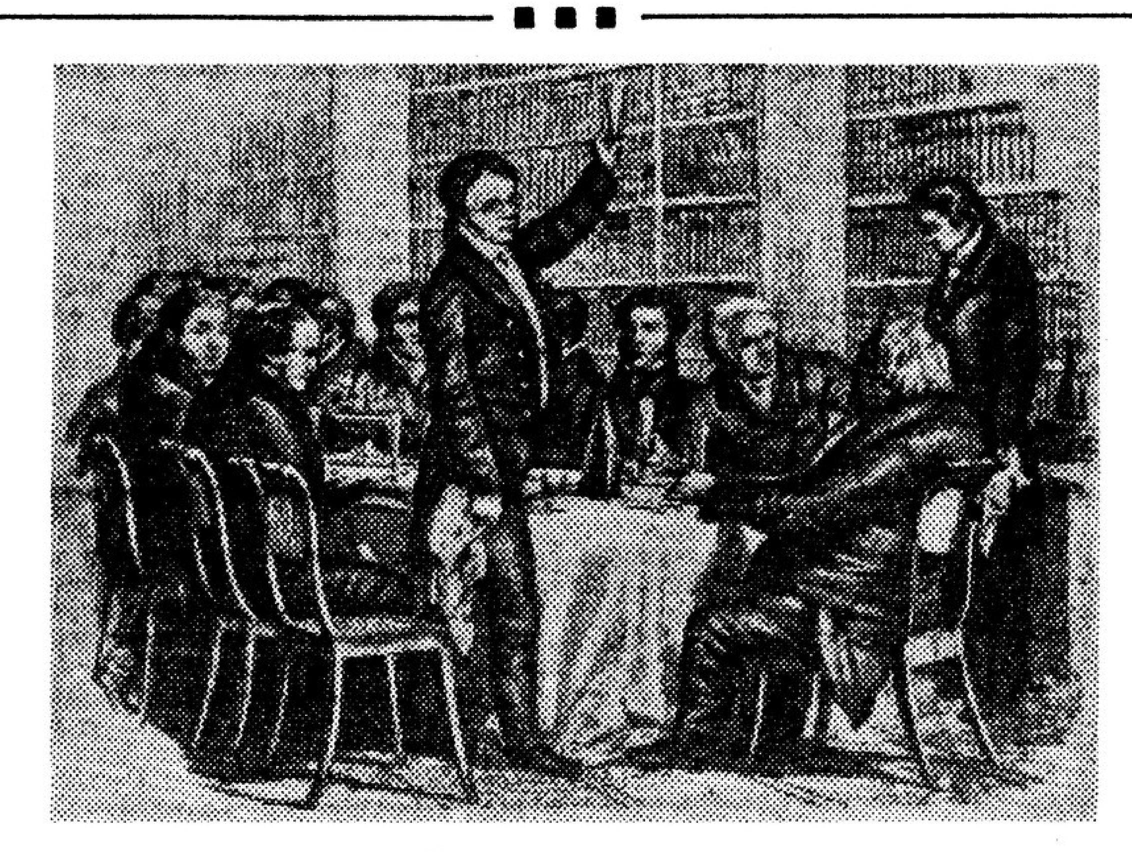
Почти все наиболее значительное, что появлялось в русской литературе с конца 20-х до конца 30-х годов, было издано Смирдиным: Пушкин, Гоголь, Жуковский, Вяземский, Крылов, Батюшков, Загоскин, новые издания Ломоносова и Державина.

В конце тридцатых годов Смирдин разорился. Особенно много способствовала разорению Смирдина группа неразборчивых в средствах, но падких на наживу рептильных писателей во главе с Булгариным и Гречем.

К концу 30-х годов резко выступили признаки предстоящего разорения. Книги, изданные в больших тиражах, раскупались медленнее, чем было необходимо для успешности торгового дела. В 1842 г. Смирдин оказался полным банкротом.

Он делал тщетные попытки восстановить свое издательство, устраивал две книжные лотереи, выпускал дешевые собрания русских классиков, но выпутаться из долгов уже не мог и, отойдя от любимого книжного дела, умер в бедности 28 сентября 1857 г.

Но период деятельности Смирдина, который Белинский назвал «смирдинским периодом» русской литературы, действительно стал новой эрой в истории русской книги. Литература стала профессией и литератор освободился от зависимости от прихотей меценатства «высочайших особ» и богатых вельмож.

Новоселье у Смирдина.
Гравюра С. Ф. Галактионова, 1833 г. С оригинала Александра П. Брюллова.

В партгруппе ССП

26 сентября на заседании партгруппы союза советских писателей был обсужден вопрос о положении в украинской писательской организации.

Писательская общественность Украины с большим опозданием взялась за очищение писательских рядов от троцкистско-националистических шпионов и диверсантов. В течение последних двух лет из союза писателей Украины исключен ряд фашистских агентов, троцкистско-националистических бандитов. Удельный вес этих, с позволения сказать, «литераторов» чрезвычайно ничтожен. Взять к примеру Кулика, ходившего долгое время среди писателей в качестве литератора. Он крал чужие стихи, чуть-чуть переделывал, что-то переставлял и подписывал, как собственное произведение. Самое позорное заключается в том, что этот фашистский бандит не был своевременно разоблачен писательской общественностью.

Но вот другой «литератор» — враг народа Коваленко. Подвизавшийся среди писателей троцкистский бандит Коваленко действовал методами оглобли, дезорганизируя писательскую общественность. К этой же категории «писателей» относятся Шупак, Хвыля и др. Подлый буржуазный националист Хвыля делал все, чтобы доказать, что русские великие драматурги якобы не любили Шевченко. Этот фашистский агент пытался наклеветать на Коцюбинского.

Троцкистско-националистические последыши своей подрывной работой на фронте украинского искусства и литературы пытались разложить ряды украинских писателей, задержать и затормозить развитие и рост украинской советской литературы. В этой подлой, враждебной деятельности троцкистских и буржуазно-националистических диверсантов немалую роль сыграли Микитенко и его друзья. Микитенко был связан с Авербахом, Киршоном и Крючковым, был у них своим человеком. Микитенко был также тесно связан с украинскими националистами — Хвылей и другими.

Не случаен тот факт, что все, кто поручались за Микитенко при переводе его из кандидатов в члены партии, оказались врагами народа.

На партийной группе союза советских писателей Микитенко вынужден был признать, что он проводил на Украине авербаховскую, т. е. троцкистскую диверсионную линию в литературе. А ведь еще совсем недавно он утверждал, что ВУАПП был связан, конечно, с РАПП, но между ними было и принципиальное различие. Теперь, на партгруппе он вынужден был сознаться, что его линия в руководстве ВУАПП была линия троцкистская.

Микитенко не один. Его подпевалой на Украине был Кириленко.

Если до сих пор очищение рядов писателей Украины проходит медленно, то тормозом этого являются остатки рапповского руководства и, в частности, Микитенко.

Украинские писатели А. Корнейчук, И. Плахтин в своих выступлениях указали, что надо скорее оздоровить руководство ССП, оказать помощь писательской общественности Украины. Они подчеркнули необходимость освобождения союза советских писателей Украины от нынешнего руководства, которое мешает развитию украинской литературы, тормозит ее рост.

Писательская общественность Украины уже почувствовала значительное облегчение в связи с разоблачением врагов народа. Взять к примеру Павло Тычину, который к 20-летию Октября готовит большую поэму, посвященную борьбе украинского народа с контрреволюцией. Писатель Головко заканчивает свой роман, посвященный борьбе с центральной радой. Это произведение своим острием направлено против национализма. Другие украинские писатели также работают над новыми произведениями.

В прениях на партгруппе выступили тт. Юдин, Березовский, Лахути, Бахметьев, Гладков, Ставский.

Подводя итоги, т. Ставский сказал:

— Для нас ясно, что надо поставить вопрос о выводе Микитенко из руководства ССП СССР и Украины. Надо сигнализировать о всех фактах, изложенных здесь, и просить партийную организацию украинских писателей обсудить вопрос о партийном положении Микитенко.

Партгруппа решила поддержать предложение украинских товарищей о созыве в ближайшее время пленума ССП Украины.

Книги о великих русских актерах

Журнально-газетное об'единение выпускает в серии «Жизнь замечательных людей» книгу М. С. Лучанского о первом русском актере Федоре Волкове (1729—1763 гг.) и книгу Ю. В. Соболева о Мочалове (1800—1848 гг.).

В книге М. С. Лучанского говорится о первом профессиональном театре в России, возникшем при Елизавете Петровне в 1756 году, и прослеживается связь русского демократического народного театра с попытками насаждения в России профессионального театра западного происхождения (придворный театр Алексея Михайловича, театры Петра I и западные оперно-балетные труппы первой половины XVIII века).

В монографии показаны фигуры первых деятелей профессионального русского театра: драматурга и директора театра А. П. Сумарокова, первых русских актеров Ф. Волкова, И. Дмитревского, Я. Шумского, первой русской трагической артистки Т. М. Троепольской и др.

Книга будет богато иллюстрирована.

Книга Ю. Соболева «Павел Мочалов» воскрешает фигуру одного из замечательных артистов Московского Малого театра.

Автор поставил своей задачей — опровергнуть обычное представление о Мочалове как об актере только «нутра», и рисует его одним из первых представителей «романтического реализма», столь характерного для Малого театра XIX века.

Автор показывает связи Мочалова с виднейшими представителями современной ему московской передовой интеллигенции.

Часть помещенного в книге историко-литературного материала публикуется впервые.

СТИФ.

«ДУМЫ О РОДИНЕ, О ВОЖДЕ»

Так называется новая поэма Сулеймана Стальского, посвященная им 20-летию Великой Социалистической революции. В этой поэме Сулейман в форме беседы со своим другом рассказывает о мрачном прошлом и светлом настоящем своей родины и вдохновителе величайших побед, вожде мирового пролетариата, любимом Сталине.

МУЗЫКА К ПЕСНЕ СТАЛЬСКОГО

Молодые композиторы Дагестана переложили на музыку «Слово о Сталинской Конституции». Два из этих произведений — Й. Г. Савченко и С. И. Ильина (в инструментовке Клейзмера А. Я.) исполнялись сводным хором в сопровождении оркестра.

«Пограничник» — скульптура заслуженного деятеля искусств скульптора **Я. Манизера**, предназначенная для оформления станции метро 2-й очереди «Площадь Революции».

Бесплодное совещание

Это было рекордно-короткое всесоюзное совещание. Оно длилось... два с половиной часа!

Но не думайте, что это результат чрезвычайно четкой работы и разумного самоограничения речей делегатов (некоторые из них специально приехали из Карелии, Воронежа, Куйбышева, Кирова, Смоленска и др.). Увы, решающую роль сыграло другое обстоятельство: говорить не о чем было.

Всесоюзное совещание редакторов литературно-художественных журналов и издательств было созвано ССП СССР почти накануне двадцатилетия Великой пролетарской революции, т. е. тогда, когда уже не представляется возможности оказать мало-мальски заметное влияние на планы редакций. Все юбилейные номера журналов в той или иной степени уже подготовлены, материалы сданы в набор. Утверждены также и уже реализуются издательские планы.

В чем же смысл совещания? В том, чтобы заслушать информацию? Но какую бы картину подготовки к юбилейной дате она ни выявила, **радикально** изменить положение вещей в оставшиеся до праздника 35—40 дней едва ли удастся.

Это было ясно для председательствовавшего т. Вс. Иванова, указавшего, что совещание запоздало, по крайней мере, на несколько месяцев, это было ясно и для всех участников совещания; вот почему их выступления не отличались ни страстностью, ни обстоятельностью. Присутствовавшие редакторы сугубо официально «зачитали» название за названием содержание юбилейных номеров, а функции отсутствовавших представителей «Красной нови», «Октября», «Интернациональной литературы» и др. с тем же успехом выполнил т. Н. Накоряков.

Все дело свелось к регистрации содержания журналов.

Никакой дискуссии, **никакого обмена мнений** не последовало.

В порядке «констатации фактов» было только вскользь отмечено, что редакции журналов совершенно позабыли... о существовании богатейшей литературы советских народов — в юбилейных номерах им не уделено никакого места, — что поэты проявили к 20-летию Великой пролетарской революции весьма слабую активность, даже более слабую, чем прозаики.

Участниками совещания была также высказана мысль о необходимости большего внимания к областной и краевой литературе. К юбилейной дате на местах будет выпущено много альманахов прозы и поэзии.

Обязанность ССП и нашей литературной печати позаботиться о том, чтобы работа эта нашла должное освещение и оценку.

В информации, в пожеланиях и выразился весь активный баланс совещания. Стоило ли тратить на это время и средства?

ЯР.

Вести с Украины

От нашего киевского корреспондента

Комсомольская организация колхоза им. Сталина с. Степанивцы, Днепродзержинского района, выпускает при Доме коллективиста **стенную литературную газету**, которая знакомит молодежь с достижениями советской и классической литературы.

Стенгазета, выходящая под заголовком **«Пусть шумит земля песнями»**, весьма интересует колхозную молодежь.

Читатели поставили перед редколлегией требование — выпускать стенгазету не реже пяти раз в месяц.

★

Издательство «Молодий більшовик» выпустило в переводе на украинский язык: однотомник Н. Островского, в котором помещены романы «Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей», избранные рассказы А. М. Горького (20-тысячным тиражом), «Белеет парус одинокий» В. Катаева, «На Востоке» П. Павленко и «Мне двадцать лет» — молодого парижского рабочего-комсомольца Роже Беланже.

★

15 сентября исполнилось **30 лет со дня смерти известного украинского драматурга Карпенко-Карого.**

В рукописном отделе библиотеки Академии наук УССР хранятся весьма интересные письма, написанные Карпенко-Карым в 1880—1897 гг.

В коллективном письме, адресованном Костомарову, ряд писателей вместе с Карпенко-Карым обращаются с просьбой поднять в Петербурге вопрос об отмене цензурного устава, запрещающего печатание книг на украинском языке.

★

При разборке фондов Отдела рукописей Академии наук УССР обнаружены интересные рукописи-автографы известного украинского писателя и ученого Ивана Франка. Рукописи представляют собой краткие рефераты литературоведческих работ писателя, предназначенные для Киевского археологического с'езда 1899 года. К рефератам приложено письмо к киевскому профессору-историку Антоновичу, которого Франко извещает о запрещении ему полицейскими властями в'езда в Киев для участия в работах с'езда.

★

Столяр харьковской конторы Союзтрансроекта Я. И. Карпенко послал Ромэн Роллану приветственное письмо. Недавно т. Карпенко получил ответ от великого французского писателя вместе с его фотографией, на обороте которой написано:

«Дорогой товарищ Я. И. Карпенко! Искренне благодарю вас за приветствие и жму вашу братскую руку. Ромэн Роллан».

Политкружки жен писателей

Совет жен, ставя своей задачей повышение политических и общекультурных знаний жен писателей, наметил организацию двух политкружков: текущей политики и по истории партии.

Продолжается работа в редакторском семинаре.

В этом году предполагаются занятия по полиграфии и обработке рукописи.

Возобновляются занятия в кружках иностранных языков (французский, английский, немецкий), стенографии и машинописи. Организуются новые группы для начинающих.

Развертывается работа в оборонных кружках.

Сборник песен

Музыкальное издательство выпускает сборник песен, исполняемых Краснознаменным ансамблем красноармейской песни и пляски.

В сборник включено около 100 песен — народных, классических и созданных советскими поэтами и композиторами.

Выходит сборник под редакцией композитора А. Новикова.

ИЗВЕЩЕНИЕ

2 октября в 6 часов вечера в Союзе советских писателей состоится заседание секции критиков.

Порядок дня:

1. Сообщение тов. В. П. Ставского.
2. Довыборы бюро.

Со всех концов страны

Рабкоры и члены литературного кружка газеты «Скороходовский рабочий» побывали на-днях в гостях у писателя А. Н. Толстого. Он рассказал им о том, как зародилась идея создания большого фильма о Петре и как проводилась работа над самой картиной. А. Н. Толстой сообщил, что вторая серия фильма «Петр I» будет выпущена в сентябре 1938 года **(«Ленинградская правда»).**

✸

В связи с исполняющимся 8 января 1938 года 60-летием со дня смерти Н. А. Некрасова, Ярославское областное издательство сдало в печать сборник избранных стихов великого поэта, написанных им в деревне Грешнево Большесольского района и в селе Карабиха Ярославского района. Сборник иллюстрируется фотоснимками мест, где жил и работал поэт. **(«Северный рабочий»**, Ярославль).

✸

Союз советских писателей Грузии организовал обсуждение переводов стихов И. Чавчавадзе на русский язык. Поэт Б. Серебряков прочел в своем переводе лирические произведения И. Чавчавадзе — «Кварельские горы», «Пахарь», «Матери Грузии», «Янычар», «Парижская Коммуна» и др. Принимавшие участие в обсуждении переводов С. Чиковани, В. Гаприндашвили, И. Цулукидзе, М. Патаридзе и др. отмечали точность перевода Б. Серебрякова в смысле передачи содержания, указывая вместе с тем на необходимость большего приближения к творческим особенностям, которыми характерны поэтические произведения И. Чавчавадзе. **(«Заря Востока».** Тбилиси).

✸

Грузинский филиал Академии наук СССР выпустил сборник этнографических статей Важа Пшавела. Статьи эти дают огромный материал для ознакомления с жизнью и бытом пшаво-хевсурцев в дореволюционное время. Разбросанные в разных журналах, этнографические статьи Важа Пшавела впервые собраны и систематизированы в выпускаемом сборнике. **(«Вечерний Тбилиси»).**

✸

Союз писателей Мордовии решил провести 17 октября выездное заседание правления в Больше-Березниковском районе. На заседании будет обсуждаться повесть колхозника Аношкина «Раужо крандаз» **(«Красная Мордовия».** Саранск).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В нашей писательской среде за последнее время имя поэта Льва Черноморцева стало упоминаться с раздражением. Причиной тому служат его отвратительное поведение, пьянство.

С глубоким возмущением и чувством горечи мы должны заявить о том, что никакие товарищеские увещевания и суровые предупреждения с нашей стороны на Льва Черноморцева не действуют. Черноморцев совершенно потерял облик советского поэта. Чем, как не этим, об'яснить то обстоятельство, что не прошло почти ни одного совещания поэтов в Доме писателя, где бы Черноморцев не учинил скандала. Указания А. М. Горького в «Литературных забавах» Черноморцевым забыты.

Лев Черноморцев всюду, где только ему вздумается, повторяет: «Мои лучшие друзья — Сергей Васильев и Сергей Островой».

Мы заявляем всей писательской общественности и самому Льву Черноморцеву: никакого Льва Черноморцева, распустившегося до последней степени, у нас в товарищах нет и не будет до тех пор, пока поведение его не станет достойным звания советского литератора.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ
СЕРГЕЙ ОСТРОВОЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Страстной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

В целях выявления творческих достижений мастеров художественного чтения и создания благоприятных условий для творческого соревнования между ними в исполнении репертуара

К XX ГОДОВЩИНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Всесоюзный Комитет по делам искусств при СНК СССР об'являет

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОНКУРС

МАСТЕРОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧТЕНИЯ НА ЛУЧШЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ (на русском языке) ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮБИЛЕЙНОГО РЕПЕРТУАРА

Конкурс состоится в Москве 15 октября с. г.

К УЧАСТИЮ в конкурсе допускаются чтецы-исполнители художественной литературы, выступающие в концертах.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ самодеятельного искусства могут быть допущены при наличии аттестации местных управлений по делам искусств и по специальному разрешению Оргкомитета.

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ РЕПЕРТУАРА:

Октябрьская революция и партия большевиков.
Вожди народа — Ленин, Сталин.
Гражданская война.
Красная Армия и оборона страны.
Социалистическое строительство.
Сталинская Конституция и ее творец — тов. Сталин.
Наша родина (советский патриотизм).
Знатные люди и герои нашей страны.
Наша молодость.
Жить стало лучше, жить стало веселей.
Международная солидарность.
Борьба против фашизма (в особенности произведения, посвященные героической борьбе испанского народа, китайского народа и т. д.).
Антирелигиозные темы.

УСТАНОВЛЕНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ПРЕМИИ:

Первая премия	— 7.000 рублей.
Вторая премия	— 5.000 »
Третья премия	— 3.000 »
Четвертая премия	— 2.000 »
Две пятых премии по	— 1.000 »

ЗАПИСЬ НА КОНКУРС производится с момента опубликования и прекращается 10 октября с. г.

ПРИЕМ ЗАЯВЛЕНИЙ и выдача справок: Москва, Арбат, ул. Вахтангова, дом 12-а, комната 23 — Управление музыкальных учреждений Всесоюзного комитета по делам искусств.

АНКЕТЫ И УСЛОВИЯ КОНКУРСА РАЗОСЛАНЫ В МЕСТНЫЕ УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ, КОНЦЕРТНЫЕ ОБ'ЕДИНЕНИЯ И ФИЛАРМОНИИ.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
извещает о смерти члена ССП драматурга
тов. ТЮРИНА Николая Николаевича,
последовавшей 23 сентября 1937 года в 4 часа дня.

Уполномоч. Главлита В—29619.

Типография газ. «Индустрия» Москва Цветной бульвар 30.